

На правах рукописи

ЖУК Максим Сергеевич

**ИНСТИТУТЫ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА:
ПОНЯТИЕ, СИСТЕМА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук**

Краснодар

2013

Работа выполнена в Федеральном государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Кубанский государственный университет»

- Научный консультант:** **Коняхин Владимир Павлович**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
- Официальные оппоненты:** **Бойко Александр Иванович**
доктор юридических наук, профессор,
Южно-Российский институт – филиал
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
- Клёнова Татьяна Владимировна**
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет», заведующая кафедрой уголовного права и криминологии
- Яцеленко Борис Викторович**
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», проректор по научной работе
- Ведущая организация:** **ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)»**

Защита состоится 18 октября 2013 года в 10-00 часов на заседании диссертационного совета Д 220.038.11 при ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет» по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус университета, ауд.215.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет» и на сайте: www.kubsau.ru

Автореферат разослан «__» сентября 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат юридических наук, доцент

А.В. Шульга

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность диссертационного исследования. Современный этап уголовно-правовой реформы в России характеризуется часто беспорядочным и противоречивым изменением Уголовного кодекса, которое получает крайне негативную оценку со стороны представителей отечественной правовой науки и создает порой непреодолимые препятствия для практики уголовно-правового противодействия преступности. Отмечавшийся на первых порах действия УК РФ 1996 г. его подчеркнута научный и системный характер сегодня может быть не только оспорен, но и опровергнут. Внутренняя несогласованность и бессистемность уголовного закона, ставшие к настоящему моменту едва ли не основными его характеристиками, достигли критического уровня, приобретя масштабы, угрожающие уже не столько эффективности, сколько самой возможности правоприменения.

Сложившаяся ситуация порождает в научной среде отчасти эмоциональные, но в достаточной степени справедливые требования – от принятия новой редакции уголовного закона до разработки нового Уголовного кодекса. Не предвещая вопроса о том, в каком именно направлении должна развиваться деятельность по оптимизации УК РФ, отметим, что такая работа немыслима без предварительного теоретического анализа самой сложившейся ситуации, путей выхода из нее и определения модельного результата.

Но здесь приходится сталкиваться с проблемой, которая, как представляется, во многом и обусловила бессистемность действующего уголовного законодательства. Речь идет о том, что отечественная наука уголовного права, непосредственной обязанностью которой и является доктринальное сопровождение всех правовых новаций, до сих пор не сформировала четкого и однозначного понимания того, что есть система уголовного права и какой она должна быть. Ориентируясь на решение частных, прикладных (хотя от этого и не менее важных) задач, наука фактически отстранилась от исследования многих фундаментальных теоретических проблем отрасли, а если и об-

ращается к ним, то с опозданием, по большей части фиксируя, но не упреждая ситуацию. Достаточно сказать, что системность уголовного права как актуальная тема «всплыла» уже после того, как системность уголовного закона была нарушена.

В первом ряду фундаментальных проблем, понимание которых во многом определяет все последующие рассуждения о системе уголовного права, находится проблема институтов уголовного права. В теории права давно признано: правовой институт есть основа отрасли права, первая и наиболее важная ступень в ее формировании; система права во многом и есть система его институтов, поскольку именно через институты юридические нормы образуют правовую отрасль.¹ Однако отраслевая, уголовно-правовая наука, как представляется, демонстрирует полное равнодушие к этим теоретическим постулатам.

При том, что сам термин «институт уголовного права» используется в научных сочинениях весьма активно, а проблема обеспечения системности отрасли возведена в ранг едва ли не национальной уголовно-правовой идеи, приходится констатировать, что в современной библиографии практически нет работ, в которых было бы представлено целостное, логически завершенное, теоретически состоятельное и ориентированное на потребности практики исследование системы институтов российского уголовного права.

Отдельные, хотя и весьма важные, сведения на этот счет содержатся в работах А. И. Бойко, Т. В. Клёновой, В. П. Коняхина, В. П. Малкова, А. В. Наумова, Ю. Е. Пудовочкина, Б. Т. Разгильдиева, Э. С. Тенчова, В. Д. Филимонова, Б. В. Яценко и других авторов. Вместе с тем целостной концепции уголовно-правового института так и не создано. Остаются неисследованными пути и направления генезиса институтов в отечественном законодательстве и их осмысление в истории науки; нет единства мнений относительно сущностных признаков и внутренней структуры уголовно-правового института; много неясного в проблеме внешней формы выражения уго-

---

¹ Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 119.

ловно-правовых институтов. В дополнительном и тщательном анализе по-прежнему нуждаются такие вопросы, как возможности использования системного подхода к исследованию природы институтов уголовного права, основные требования системной методологии в этой части, критерии систематизации уголовно-правовых институтов, их номенклатура, связи уголовно-правовых институтов между собой и с правовыми предписаниями иных отраслей права. Решение этих и некоторых иных проблем представляется необходимым для создания системного каркаса отрасли уголовного права, ответа на фундаментальные вопросы о достаточности уголовно-правовых институтов и возможных перспективах их дальнейшего развития.

Отмеченные пробелы в теоретическом исследовании институтов уголовного права создают тот круг вопросов, ответы на которые призвана дать настоящая диссертация.

Объектом диссертационной работы выступает целостный комплекс теоретико-прикладных проблем, связанных с характеристикой генезиса, анализом актуального состояния и определением перспектив развития системы институтов российского уголовного права.

Определенный в границах объекта **предмет исследования** включает в себя:

- закономерности формирования и развития институтов уголовного права;
- внутри- и межотраслевые связи уголовно-правовых норм, выступающие основой формирования правовых институтов;
- деятельность по законодательному закреплению нормативных предписаний, составляющих институты уголовного права, в различных правовых источниках, их толкованию и применению;
- устоявшиеся постулаты и развивающиеся положения общетеоретического учения о праве и отраслевой доктрины по поводу внутреннего строения отрасли уголовного права.

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе всестороннего анализа уголовного права как системной совокупности правовых норм, занимающих свое особое место в системе российского права, разработать логически завершенную и внутренне непротиворечивую теоретическую концепцию институционального строения отрасли, которая была бы способна не только восполнить пробел в доктринальном осмыслении структурной композиции уголовного права, но и служить основой для определения путей дальнейшего совершенствования уголовного права и уголовного законодательства.

Для достижения заявленной цели в диссертации были поставлены и решены следующие частные поисковые **задачи**:

– провести ретроспективный анализ нормативных памятников истории уголовного права на предмет выявления основных закономерностей в формировании и нормативном обособлении упорядоченной совокупности правовых норм, способных составить институт уголовного права;

– исследовать важнейшие направления и определить этапы развития научной правовой мысли по вопросу о систематизации уголовно-правовых норм и предписаний;

– сформулировать понятие «институт уголовного права», разработать систему признаков, позволяющих позиционировать ту или иную общность правовых норм в качестве института;

– выявить внутреннюю структуру института уголовного права; исходя из потребностей правового регулирования, определить его оптимальную конструктивную модель;

– установить связь между содержанием уголовно-правового института и внешней формой его выражения, в том числе в источниках уголовного права;

– дать научно обоснованную и ориентированную на потребности практики классификацию институтов уголовного права;

– на основе принципов системной методологии и установленных характеристик уголовно-правового института провести «инвентаризацию» систе-

мы уголовного права, разработать модельный вариант ее институционального строения;

– проанализировать внутриотраслевые связи институтов уголовного права, решить вопрос о возможностях и перспективах обособления в рамках уголовного права подотраслей;

– разработать основы системного взаимодействия уголовного права с иными правовыми отраслями на основе исследования межотраслевых связей институтов уголовного права;

– в рамках и на основе новых теоретических постулатов создаваемой концепции сформулировать предложения по совершенствованию системы и содержания уголовного законодательства.

Специфика предмета исследования и содержания поставленных задач потребовала особого подхода к определению круга нормативных, теоретических и эмпирических источников, образующих информационный фундамент диссертации.

Нормативной основой диссертации выступает, прежде всего, уголовное законодательство России; как современное (УК РФ 1996 г.), так и действовавшее ранее (Русская Правда, Судебники 1550 г. и 1497 г., Соборное уложение 1649 г., Военские артикулы 1715 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., Уголовное уложение 1903 г., УК РСФСР 1922 г., 1926 г., 1960 г.).

Наряду с этим в диссертации подвергнуты анализу имеющие отношение к теме исследования положения Конституции, постановления и определения Конституционного суда Российской Федерации, нормы и принципы международного права, предписания уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства России.

Для обеспечения сравнительно-правовых направлений исследования изучены положения и структура уголовного законодательства ряда зарубежных

ных стран (ФРГ, Франции, Швейцарии, Австрии, Испании, Голландии, США Китая, Беларуси, Украины, Узбекистана и др.).

Теоретическая база диссертации представлена несколькими группами источников:

– сочинениями, посвященными анализу системы права и строения его отраслей, подготовленными С. С. Алексеевым, В. К. Бабаевым, А. М. Васильевым, Н. А. Власенко, О. С. Иоффе, Н. М. Коркуновым, В. В. Лазаревым, Р. З. Лившицем, А. В. Малько, Г. В. Мальцевым, М. Н. Марченко, Н. И. Матузовым, В. С. Нерсесянцем, Е. Б. Пашуканисом, С. В. Полениной, В. М. Сырых и др.;

– исследованиями общей теории систем и возможностей применения системного подхода к анализу общественных и правовых феноменов, выполненными Р. М. Айдинян, В. Г. Афанасьевым, М. С. Каганом, В. В. Качала, И. В. Прангишвили, В. Н. Садовским и др.;

– трудами Ю. В. Баулина, А. И. Бойко, А. А. Герцензона, Н. Д. Дурманова, А. Э. Жалинского, И. Э. Звечаровского, С. Г. Келиной, Т. В. Клёновой, И. Я. Козаченко, В. П. Коняхина, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, Н. А. Лопашенко, В. П. Малкова, В. В. Мальцева, А. В. Наумова, Н. И. Пикурова, А. А. Пионтковского, Т. Г. Понятовской, С. В. Познышева, Ю. Е. Пудовочкина, Б. Т. Разгильдиева, А. И. Рарога, В. Г. Смирнова, Н. С. Таганцева, Э. С. Тенчова, В. Д. Филимонова, М. Д. Шаргородского, Б. В. Яцеленко и других, в которых были заложены и развиты основы современного понимания системы уголовного права, уголовно-правовых институтов и норм;

– работами, в которых анализируются имеющие отношение к теме исследования смежные проблемы уголовно-правовой теории: предмет уголовно-правового регулирования (Н. М. Кропачев, Г. О. Петрова, Н. В. Генрих и др.); источники уголовного права (О. Н. Бибик, К. В. Ображиев и др.); законодательная техника в уголовном праве (К. А. Панько, С. С. Тихонова и др.); межотраслевые связи уголовного права (А. А. Васильченко, А. В. Денисова Н. И. Пикуров и др.).

Эмпирическая основа исследования, ввиду его преимущественно теоретической направленности, обладает определенной спецификой и включает в себя:

– тексты уголовных законов, поскольку именно на их основе можно судить о степени сформированности отдельных институтов уголовного права, внутренней структурной композиции отрасли, ее связях с иными правовыми предписаниями;

– содержание научных дискуссий по проблемам систематизации российского права (1938–1940, 1956–1958, 1982, 1998, 2002–2003), а также по вопросам строения и систематики уголовного права, представленных, прежде всего, на II Российском конгрессе уголовного права «Системность в уголовном праве», состоявшемся 31 мая – 1 июня 2007 г.;

– результаты опроса специалистов в области уголовного права: преподавателей юридических вузов РФ (в том числе Краснодарского края), практикующих сотрудников правоохранительных органов, судей (всего – 326 чел.);

– материалы постановлений Пленума Верховного суда РФ, конкретизирующие представления об отдельных уголовно-правовых институтах;

– результаты обобщения опубликованной судебной практики Верховного суда РФ, обзоры его кассационной и надзорной практики, а также постановления Президиума и определения Судебной коллегии Верховного суда РФ по уголовным делам (1997–2013).

Методологическая основа диссертационной работы. Обобщение приведенных нормативных, эмпирических и теоретических источников потребовало применения многоуровневого комплекса методов и принципов познания, присущих современной науке.

Философско-методологическую основу исследования составили положения и принципы диалектики, выдвигающей такие ключевые требования к изучению правовых явлений и понятий, как объективность, всесторонность, конкретность, историзм. В диссертационном исследовании использовались базовые философские категории: «форма» и «содержание»; «часть» и

«целое»; «общее», «особенное» и «единичное»; «количество» и «качество»; «действительность» и «возможность».

В качестве своеобразной «промежуточной методологии» между философией и фундаментальными теоретико-методологическими положениями уголовно-правовой науки использованы такие общенаучные методы познания, как системный и структурно-функциональный. Их постулаты и важнейшие понятия («модель», «структура», «функция», «система», «элемент», «оптимальность» и др.) дали возможность рассмотреть, во-первых, каждый институт уголовного права в качестве системного образования, а во-вторых, всю номенклатуру институтов в качестве системы, которая определенным образом взаимодействует с иными элементами системы права и внешней социальной средой.

Частно-научными методами исследования, использованными в работе, выступают: логико-юридический (догматический), историко-правовой, сравнительный, метод анализа документов, экспертный опрос. В диссертации широко используются общелогические методы и приемы обработки данных: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия.

Научная новизна диссертации состоит в том, что она представляет собой первый опыт самостоятельного, всестороннего теоретического анализа признаков, видов, внутриотраслевых и межотраслевых связей, истории и перспектив развития институтов уголовного права.

Новизной характеризуется целый ряд положений и выводов, содержащихся в работе. В частности:

– оригинальная интерпретация истории российского уголовного права через призму проблем становления и развития уголовно-правовых институтов;

– авторская периодизация истории отечественной уголовно-правовой науки с точки зрения достигнутых успехов (вех) доктринального анализа институтов уголовного права и систематизации уголовно-правовых норм;

- формулирование понятия уголовно-правового института и его признаков;
- определение структуры уголовно-правового института и внешних форм его выражения;
- установление характера взаимосвязи между видом образующих уголовно-правовой институт нормативных предписаний и иерархией источников уголовного права;
- классификация уголовно-правовых институтов;
- обоснование методологических принципов и методических приемов системного анализа институтов уголовного права;
- авторский вариант системы институтов Общей и Особенной частей уголовного права;
- выявление основных направлений и установление содержания взаимосвязей институтов Общей и Особенной частей уголовного права, а также вытекающих отсюда требований к законотворческому и правоприменительному процессам;
- авторское понимание комплексных уголовно-правовых институтов и итоги исследования межотраслевых связей институтов уголовного права;
- разработка предложений по совершенствованию внутреннего наполнения и номенклатуры уголовно-правовых институтов;
- прогнозирование возможности и перспективности формирования подотраслей в уголовном праве.

Положения, выносимые на защиту

1. В истории российского уголовного права отчетливо выделяются два повторяющихся друг друга по содержанию цикла: первый – с X по начало XX в. и второй – с 1917 г. по настоящее время. Каждый из них характеризуется последовательно сменяющимися фазами: создание уголовно-правовых норм в законах межотраслевой принадлежности, сведение этих норм в единый акт и их структурирование, последующее развитие уголовно-правовых норм и институтов. При этом институты уголовного права не возникают одномо-

ментно, а длительно формируются, что является следствием и условием адаптации отрасли к изменяющимся условиям социальной среды. Каждый институт уголовного права в своем развитии проходит несколько этапов: появление отдельной правовой нормы; ее развитие через формирование специальных, уточняющих, исключительных предписаний; выделение обобщающих для этой формирующейся группы норм положений; ассоциативное изложение этих норм в тексте нормативного акта; хронологическая подборка однопредметных ассоциаций правовых норм; их редактирование и согласование с иными нормами; закрепление группы норм в структурной части текста уголовного закона.

2. Формирование системы институтов уголовного права непосредственно связано с основными этапами развития уголовно-правовой науки. В первой трети XIX в. практическая юриспруденция и историческая школа права свели в единый хронологический список все изданные нормативные предписания, касающиеся вопросов преступления и наказания; представители систематической школы дополнили хронологический принцип систематизации предметным и четко обособили уголовно-правовые предписания от положений процессуального (в XIX столетии) и уголовно-исполнительного (в середине XX столетия) права; позитивистская методология классической школы уголовного права обеспечила тщательную разработку не только правовых форм регулирования общественных отношений, но и всех необходимых понятий и категорий для описания внутренней структуры уголовного права; социологическая и антропологическая школы обеспечили появление в уголовном праве целого ряда новых для начала XX в. институтов. Полученные результаты создают проверенный временем теоретический фундамент современных исследований системы институтов уголовного права.

3. Уголовно-правовой институт представляет собой внешне оформленный структурный элемент отрасли уголовного права, представляющий собой основанную на собственной идейной платформе и подчиненную принципам и задачам отрасли систему уголовно-правовых норм, призванных целостно и

беспробельно регулировать часть уголовно-правовых отношений, отличающихся спецификой порождающего их юридического факта. Ключевыми признаками уголовно-правового института выступают: идейно-нормативное и соответствующее ему социологическое содержание; множественность норм; отраслевая чистота норм; обособленный признаками юридического факта предмет правового регулирования в рамках отрасли права; взаимосвязь идей и норм для решения задач целостного и беспробельного регулирования правоотношений; нацеленность на решение детализированных внутриотраслевых и внешних для отрасли социальных задач; внешнее оформление норм в структуре актов, составляющих источники уголовного права.

4. Структура уголовно-правового института охватывает собой: 1) определенные идеи (принципы), в которых концентрируется и формулируется содержательная сторона правового института, его сущность; 2) совокупность однопорядковых нормативных предписаний различных видов, составляющих содержательное ядро института, которые отражают его нормативный характер и гарантируют принудительный механизм реализации; 3) основанные на этих идеях и нормах общественные отношения, представляющие собой реализацию нормативных предписаний, внедрение их в общественную жизнь, что обеспечивает действительную функцию права.

5. Внешняя форма выражения уголовно-правовых институтов определяется содержанием образующих его компонентов. Каждой структурной единице уголовно-правового института соответствует своя особая форма выражения. Идеи получают оформление либо в виде доктринальных положений, либо в качестве наивысшей формы – в виде нормативных предписаний закона. Формой выражения правоотношений служит реальная практика применения того или иного уголовно-правового института. Формой выражения нормативных предписаний, составляющих институт уголовного права, является иерархически структурированная система источников уголовного права.

6. Иерархия нормативных предписаний института уголовного права находится в корреляционной связи с системой источников отрасли, с их юриди-

ческой силой. Общее правило здесь состоит в том, что 1) чем выше уровень предписания, составляющего институт уголовного права, тем выше в иерархии место источника его выражения и закрепления; 2) чем выше уровень источника права, тем больше разновидностей предписаний он может содержать. Преимущественной формой выражения института нормативных предписаний в уголовном праве является обособленная глава УК РФ, хотя в перспективе в некоторых случаях не исключено и проведение институциональной кодификации в форме создания самостоятельных уголовно-правовых законов.

7. Институты уголовного права могут быть классифицированы по различным основаниям: 1) в зависимости от того, отражают ли они процесс специализации или интеграции нормативного материала – на дифференцированные и интегральные; 2) в зависимости от особенностей внутренней структуры – на простые и сложные; 3) в зависимости от отраслевой принадлежности образующих институт предписаний и их внутренней конфигурации – на отраслевые (однородные и комплексные), смешанные и межотраслевые; 4) в зависимости от особенностей предмета и целей регулирования – на предметные и функциональные. Традиция классификации уголовно-правовых институтов на правоохранительные и регулятивные должна быть оспорена, поскольку одни и те же нормативные предписания могут рассматриваться в качестве составной части правоохранительного либо регулятивного института.

8. Система институтов уголовного права, будучи по своему характеру открытой, имеет присущие любой системе «вход» и «выход». Основные параметры «входа» заданы теми криминальными вызовами и угрозами, которые сложились в обществе на конкретном историческом этапе. Эти вызовы, будучи преобразованными системой институтов уголовного права, дают на «выходе» результат действия отрасли в виде предупреждения преступлений и обеспечения криминологической безопасности, который преобразует ту самую внешнюю среду, вызовы которой фиксируются на «входе» в систему уголовного права. Взаимодействие системы уголовно-правовых институтов с

внешней по отношению к ним средой не приводит к «размыванию» самой этой системы и ее поглощению средой, поскольку система уголовно-правовых институтов имеет свои границы, является до определенного предела автономной и независимой от внешнего влияния, прежде всего в силу того, что обладает своеобразными функциями, имеет внутреннюю устойчивость, обусловленную структурой, элементным строением этой системы.

9. Институты уголовного права образуют целостную систему благодаря наличию между ними определенных связей (порождения, координации, субординации, взаимодействия), которые призваны надлежащим образом обеспечить функциональное предназначение системы уголовного права и ее адаптацию к изменяющимся внешним условиям. Между каждым в отдельности институтом Особенной части и всеми институтами Общей части преимущественным видом связи является связь субординации, порожденная тем обстоятельством, что предписания Особенной части конкретизируют и детализируют те положения, которые закреплены в Общей части уголовного права. В то же время между институтами Общей части, с одной стороны, и институтами Особенной части, с другой, по преимуществу разворачиваются связи координации, вызванные тем, что они дополняют содержание друг друга.

10. Система институтов Общей части уголовного права должна строиться вокруг двух центральных категорий отрасли: преступления и уголовной ответственности. Категории преступления в уголовном праве должны быть посвящены следующие институты (по порядку): институт понятия и категорий преступления, охватывающий субинститут обстоятельств, исключаящих общественную опасность деяния; институт лиц, подлежащих уголовной ответственности; институт вины, содержащий субинститут обстоятельств, исключаящих виновность; институт неоконченного преступления; институт множественности преступлений; институт соучастия в преступлении. Категории уголовной ответственности в уголовном праве необходимо посвятить следующие институты (по порядку): институт понятия и целей уголовной ответственности; институт освобождения от уголовной ответ-

ственности; институт понятия и видов наказания; институт назначения наказания; институт освобождения от отбывания наказания; институт конфискации имущества и правил ее назначения; институт принудительных мер медицинского характера и правил их назначения; институт судимости. Наряду с этим в структуру Общей части уголовного права включены также институт пределов действия уголовного закона и институт уголовной ответственности несовершеннолетних.

11. Система институтов Особенной части уголовного права, будучи динамичной, в каждый отдельный момент времени является вместе с тем исчерпывающей, что предопределено предписаниями принципа законности и запретом применения уголовного закона по аналогии. Институты Особенной части уголовного права представляют собой совокупность сгруппированных в рамки одной главы уголовного закона предписаний об ответственности за преступления, имеющие единый родовой объект. Сложившаяся иерархия объектов уголовно-правовой охраны и основанный на ней порядок (последовательность) институтов Особенной части уголовного права должны быть пересмотрены. В существующей иерархии интересы общей безопасности остаются явно недооцененными, хотя именно они должны быть поставлены во главу угла при решении вопросов о содержании и систематизации уголовного законодательства.

12. Совершенствование содержания и внутренней структуры уголовно-правовых институтов требует: обеспечения отраслевой чистоты образующих институты нормативных предписаний; консолидации в институтах уголовного права предписаний, регламентирующих уголовно-правовые отношения и размещенных в настоящее время в нормативных актах иной отраслевой принадлежности; последовательного «разделения труда» между институтами Общей и Особенной частей уголовного права, сохранения и укрепления их функционального предназначения; последовательного соблюдения единого критерия формирования институтов Особенной части; насыщения институ-

тов Особенной части уголовного права обобщающими и детализирующими предписаниями;

13. Актуальные потребности противодействия преступности требуют дальнейшего развития номенклатуры институтов уголовного права за счет формирования следующих самостоятельных правовых общностей: институт юридического лица как субъекта уголовной ответственности; институт мер уголовно-правового характера, применяемых к юридическому лицу за совершение преступления; институт потерпевшего от преступления; институт толкования терминов; институт правил квалификации преступлений; институт экстрадиции; институт ответственности за преступления против безопасности иностранных государств; институт ответственности за преступления против исторического наследия и исторической памяти; институт ответственности за преступления против прав интеллектуальной собственности; институт ответственности за преступления против генетического кода человека; институт ответственности за преступления, связанные с нарушением технологических правил и правил обращения с опасными предметами.

14. Институты Общей части уголовного права по мере развития отрасли приобрели роль ограничений или требований, которым должны соответствовать некогда породившие их положения Особенной части. Такого рода связь предписаний и институтов Общей и Особенной частей уголовного права обеспечивает ему внутреннюю согласованность и непротиворечивость. Вместе с тем объективно существующие связи между Общей и Особенной частями уголовного права в действующем законодательстве отражены в ряде случаев неверно или неполно. Существующие коллизии предписаний Общей и Особенной частей уголовного закона имеют своей причиной факторы субъективного порядка, которые связаны как с несовершенством законодательной техники, так и с неразработанностью концепции построения уголовного закона. Преодоление этих коллизий должно осуществляться при условии гарантий стабильности Общей части уголовного права, которые находятся, как

представляется, вне сферы уголовного закона – в области нормотворчества и правопонимания.

15. Значимой тенденцией развития права является формирование межотраслевых институтов, которое происходит в результате наложения отдельных элементов метода уголовно-правового регулирования на предмет иной отрасли либо в результате применения к регулированию уголовно-правовых отношений методов иных правовых отраслей. Применение методов иных отраслей права (гражданского, административного, международного) к регулированию уголовно-правовых отношений порождает настолько качественно особый, межотраслевой правовой феномен, что его полноценное регулирование требует надлежащего юридического закрепления в форме комплексного законодательства, которое, в свою очередь, ввиду специфики целей и предмета регулирования, должно признаваться источником уголовного права.

16. Использование бланкетных диспозиций в уголовном законе не приводит к смешению разноотраслевого нормативного материала в одном правовом образовании. При наличии бланкетной диспозиции межотраслевым можно признать лишь описанный в ней юридический факт. Однако как определенное событие, с которым уголовно-правовая норма связывает возникновение правоотношения, юридический факт лежит за пределами самой уголовно-правовой нормы. Правовое регулирование осуществляется здесь именно уголовно-правовой нормой, иные нормы при бланкетной диспозиции закона не участвуют в данном процессе, не регулируют уголовно-правовых отношений. И предмет, и метод правового регулирования в данном случае сохраняют свою уголовно-правовую идентичность. Как следствие, нормы с бланкетной диспозицией не образуют комплексных межотраслевых институтов.

17. Единая охранительная направленность административно-деликтного и уголовного законодательства, близость предмета и методов правового регулирования данных отраслей с неизбежностью порождают наличие в системе права межотраслевых пограничных институтов, граница между кото-

рыми является весьма подвижной и определяется как объективными тенденциями развития отраслей, так и субъективными намерениями законодателя. Ценность таких институтов состоит в комплексном охранительном воздействии, однако основная задача их совместного развития состоит не в интеграции, а в последовательной, научно обоснованной и непротиворечивой дифференциации правового материала.

18. Подотрасль уголовного права представляет собой объективно сформированную совокупность взаимосвязанных уголовно-правовых институтов, особым образом регулирующих обособленную (относительно автономную) внутри предмета отрасли группу общественных отношений, и решающих специфические задачи, заданные в пределах уголовно-правового регулирования, которая, как правило, получает внешнее оформление в виде отдельной структурной единицы текста УК РФ или отдельного закона, действующего наряду с ним. В настоящее время внутреннее строение уголовного права не позволяет выделить внутри отрасли группы правовых институтов, обладающих признаками подотрасли. Вместе с тем перспективным направлением в развитии отраслевой структуры уголовного права может стать формирование в нем подотрасли уголовных проступков.

Теоретическое значение результатов исследования заключается в том, что они восполняют ощутимый пробел в юридической науке, связанный с исследованием институционального строения отрасли уголовного права. В диссертации разработана и обоснована научная концепция системы институтов уголовного права, учитывающая богатый исторический опыт их формирования и способная служить методологической основой для их дальнейшего развития в интересах уголовно-правовой защиты личности, общества и государства. Предложенная концепция позволяет всесторонне и глубоко осмыслить достоинства и недостатки существующей системы уголовного права, по-новому оценить качество структурирования уголовного законодательства для теоретического обоснования логически стройной и последовательной системы нормативного регулирования уголовно-правовых отноше-

ний. Положения диссертации углубляют и развивают такие разделы доктрины, как история уголовного права и уголовно-правовой науки, система уголовного права (нормы – институты – подотрасли), источники уголовного права, строение уголовного закона, межотраслевые связи уголовного права и др.; тем самым диссертация способствует развитию уголовно-правовой теории в целом.

Прикладная ценность диссертации состоит в том, что ее основные выводы и положения:

- создают фундаментальные предпосылки для воссоздания, сохранения и развития системных свойств уголовного права, которые поставлены под угрозу непоследовательной, противоречивой и не всегда оправданной практикой изменения уголовного закона;

- служат информационной базой данных для органов государственной власти в их работе по совершенствованию уголовного законодательства;

- могут быть использованы в учебно-методическом процессе при преподавании курсов уголовного права, уголовной политики, истории уголовного права, а также в работе по повышению квалификации сотрудников судебной и правоохранительной систем.

Апробация результатов и основных выводов исследования осуществлялась посредством их обсуждения на научных форумах, в юридической печати, в учебном процессе.

По теме диссертационного исследования опубликовано 47 работ общим объемом 44 п. л., в том числе 2 монографии и 24 статьи в периодических изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки для публикации основных положений докторской диссертации.

Результаты диссертационного исследования докладывались соискателем на трех Российских конгрессах уголовного права, 9 научно-практических конференциях, главным образом, международных.

Отдельные положения работы внедрены в учебный процесс целого ряда вузов страны, в частности: Кубанского государственного университета,

Краснодарского университета МВД России, Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», Московского государственного университета, Ярославского государственного университета, а также в практическую деятельность судебных и правоохранительных органов, в том числе: Краснодарского краевого и Нижегородского областного судов, Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве, Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Краснодарскому краю, Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Краснодарскому краю, Управления на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации по Южному федеральному округу.

Структура работы определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, 6 глав, объединяющих 13 параграфов, заключения, библиографического списка, состоящего из 454 наименований и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются методологические, нормативные, теоретические и эмпирические источники ее изучения, формулируются цели и задачи диссертации, конструируются положения, выносимые на защиту, характеризуется уровень их научной новизны, теоретической и прикладной значимости, приводятся сведения об апробации основных результатов диссертации.

Глава 1 «Эволюция системы институтов в истории отечественного уголовного права» состоит из двух параграфов.

В §1 «**Становление и развитие институтов уголовного права в законодательстве России X–XX вв.**», принимая во внимание отсутствие объективной возможности проследить эволюцию содержания каждого из уго-

ловно-правовых институтов, соискатель ограничивает рамки исследования проблемой внешнего выражения системы уголовно-правовых институтов в отечественном законодательстве. Анализ позволил обосновать следующие выводы:

1. В истории институтов российского уголовного права отчетливо выделяются два неравноценных по продолжительности, но повторяющих друг друга по содержанию цикла: первый – с X по начало XX в. и второй – с 1917 г. по настоящее время. Каждый из них характеризуется определенными, закономерными фазами развития: создание уголовно-правовых норм в законах межотраслевой принадлежности (Русская Правда, Судебники XV–XVI вв., Соборное уложение 1649 г., первые декреты советской власти 1917–1919 гг.), сведение этих норм в единый акт и их структурирование (Свод законов Российской империи 1832 г., Руководящие начала по уголовному праву 1919 г.), последующее развитие уголовно-правовых норм и институтов (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовное уложение 1903 г., Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., 1926 г. и 1960 г.).

2. В силу логики правового развития первыми в истории уголовного права оформляются институты его Особенной части, что обусловлено первоочередной потребностью в наличии номенклатуры запрещенных поступков, в установлении предписаний, непосредственно ограничивающих произвол отдельных лиц и ограждающих государственную власть. При этом, несмотря на объективно низкий уровень законодательной техники, изложение уголовно-правового материала в памятниках X–XVII вв. было достаточно логичным и последовательным, что свидетельствует об интуитивной группировке правовых норм, о зарождении начал систематизации. Исключительная роль в систематизации норм уголовного права принадлежит Соборному уложению, впервые четко сгруппировавшему их в отдельные главы исходя из предметного содержания. В названии этих глав прослеживается зрелое законодательное решение о классификации всех преступлений по объекту посягательства

и уровню опасности, что служит одной из необходимых предпосылок формирования полноценных институтов Особенной части уголовного права.

3. Институты Общей части возникают позже, в тот момент, когда, обобщая практику создания и применения уголовного законодательства, наука смогла выработать определенные теоретические абстракции, идеальные представления о преступлении и наказании. Первоначально положения, относимые к Общей части, не имели обобщающего характера и были «привязаны» к нормам об ответственности за те или иные отдельные преступления, выступая зачастую в качестве примечаний к статьям Особенной части (Соборное уложение 1649 г., Военские артикулы 1715 г.). Впоследствии они трансформируются в самостоятельные полноценные нормы, имеющие отношение ко всем случаям уголовного преследования (Свод законов Российской империи 1832 г.).

4. Каждый институт уголовного права в своем «модельном» развитии проходит несколько этапов: появление нормы; ее развитие через формирование специальных, уточняющих, исключительных предписаний; выделение обобщающих для данной группы норм положений; ассоциативное изложение этих норм в тексте нормативного акта; хронологическая подборка однопредметных ассоциаций правовых норм; их редактирование и согласование с иными нормами; закрепление группы норм в структурной части текста уголовного закона.

5. Российское законодательство вплоть до середины XX в. не знало периода, когда бы все уголовно-правовые институты были сосредоточены в едином нормативном акте. Характерной чертой его развития на протяжении многих веков была самостоятельная, институциональная кодификация норм об ответственности за некоторые преступления. Впервые отчетливо это проявилось в XVIII в., когда развитие уголовного права привело к появлению нормативных актов, призванных регулировать отдельные разновидности уголовно-правовых отношений: Военские артикулы 1715 г., Указ «О производстве дел уголовных, учиненных несовершеннолетними, и о различии на-

казания по степени возраста преступников» 1765 г., Устав благочиния, или полицейский 1782 г.. Будучи комплексными по своему характеру, они заложили основы институциональной кодификации уголовно-правовых норм, формируя институты ответственности за воинские преступления, ответственности несовершеннолетних и ответственности за уголовные проступки. Эта традиция сохранилась и в XIX в.: предписания уголовно-правового характера содержались не только в Уложении 1845 г., но и в Уставе военно-уголовном 1839 г., Своде морских уголовных постановлений 1851 г., Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., наличие которых свидетельствовало об устойчивой традиции институциональной кодификации.

6. Истории российского уголовного права известен опыт нарушения территориального единства уголовно-правовой юрисдикции, создания уголовных законов или отдельных уголовно-правовых норм, действие которых ограничивалось определенной частью территории государства (Финляндия, Польша, Кавказский край в Российской империи, отдельные автономные республики в составе РСФСР), что приводило к различному содержательному наполнению одних и тех же институтов уголовного права. Оправданный в условиях крайне различающегося уклада отношений на этих территориях, он был совершенно обоснованно нивелирован в советской России по мере выравнивания условий политической и хозяйственной жизни.

Развитие номенклатуры, содержание и системы институтов уголовного права немислимы вне контекста эволюции отечественной правовой науки. В § 2 «**Основные этапы формирования учения об институтах уголовного права в истории отечественной науки**» автор доказывает, что предшествующее развитие уголовно-правовой доктрины создало все необходимые предпосылки для формирования самостоятельной, целостной, завершенной концепции правовых институтов:

1) практическая юриспруденция и историческая школа права в первой трети XIX столетия собрали и свели в единый свод все изданные и не утраченные своей силой нормативные предписания, касающиеся вопросов пре-

ступления и наказания, что послужило необходимым условием для последующего его содержательного развития и структурирования;

2) наука четко обособила уголовно-правовые предписания от положений процессуального (в XIX столетии) и уголовно-исполнительного (в середине XX столетия) права, обеспечив отраслевую чистоту нормативного материала, составляющего институты уголовного права;

3) позитивистская методология в уголовно-правовых исследованиях, представленная, прежде всего в трудах представителей классической школы уголовного права обеспечила возможность разработки необходимых понятий и категорий для описания внутренней структуры уголовного права;

4) развитие общей теории права привело к более-менее универсальному представлению о строении права и структуре образующих его отраслей, каждая из которых в элементном составе представлена нормами, институтами и, возможно, подотраслями; а это с неизбежностью стимулировало отраслевые уголовно-правовые исследования, посвященные определению внутренней структуры уголовного права и системе его институтов.

Каждому из обозначенных достижений в хронологическом отношении соответствует определенный период в истории уголовно-правовой науки. Не претендуя на создание универсальной периодизации научного знания и учитывая цели исследования, можно выделить несколько этапов в истории отечественной уголовно-правовой доктрины:

1. XV–XVIII вв. – время господства практической юриспруденции и составления писанных уголовно-правовых норм. Первые профессиональные юристы – дьяки. Умея применять закон к отдельным практическим случаям жизни, зная тонкости делопроизводства, они были далеки от систематизированного и обобщенного конструирования окружающей их правовой действительности. Наиболее распространенным приемом систематизации правового материала в эпоху Средневековья и Нового времени был хронологический, суть которого состояла в сведении разновременных нормативных положений в единый правовой документ и в дополнении уже существующих норм теми

или иными новыми предписаниями, часто без какой-либо внутренней переработки.

2. Первая треть XIX в. – зарождение теоретической юриспруденции, главенство исторической школы права и «собрание» уголовно-правового материала. Становление и развитие в России нового способа изложения и расположения уголовно-правового материала – не на основе хронологии, а исходя из понимания внутреннего существа данного материала – наблюдается лишь с момента знакомства отечественных специалистов с трудами Л. Фейербаха. Принципиальное значение для научной систематизации норм и институтов уголовного права приобрели вышедшие в первой половине XIX столетия труды О. Горегляда, П. Гуляева, Г. Солнцева, С. Протасова. В них впервые в отечественной уголовно-правовой литературе с привлечением не только исторического, но и прежде всего догматического и сравнительно-правового методов, излагается системный взгляд на основные понятия и институты уголовного права, хотя само понятие института в них, естественно, еще не употребляется.

3. Середина XIX – начало XX в. – утверждение позитивизма в праве, «отделение» уголовного права от уголовного процесса, создание формы уголовного права, содержательное наполнение основных институтов уголовного права. Юридический позитивизм в уголовном праве середины XIX столетия представлен тремя школами: классической, антропологической и социологической. С известной долей условности можно утверждать, что между школами произошло своего рода «разделение труда»: совместно обсуждая пути совершенствования уголовного законодательства и права, «социологи» и «антропологи» именно на «классиков» переложили решение вопросов внешней формы и структуры уголовного права, с одной стороны, самоустранившись от их обсуждения, а с другой – признавая качественными и достаточными сделанные «классиками» выводы, используя предложенные ими формы для структурирования собственного правового материала. Заслуга «классиков» состоит в тщательном анализе догмы уголовного права, общих принципов

построения уголовного кодекса, глубоком исследовании структуры уголовно-правовой нормы, в решении целого ряда иных задач, непосредственно связанных с проблемами систематизации уголовно-правовых норм и построения уголовно-правовых институтов. «Антропологи» и «социологи» направили свои усилия на разработку вопросов содержания отдельных уголовно-правовых институтов, а не их формы. Заслугой социологической школы следует признать детальную разработку вопросов о целях и видах уголовного наказания, об условном осуждении и досрочном освобождении от отбывания наказания, о правилах назначения наказания с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств и многих других. Равным образом, представители антропологической школы предприняли ряд важнейших шагов в части разработки учения о вменяемости, «уменьшенной вменяемости», возрасте уголовной ответственности, учете данных о личности виновного при назначении уголовного наказания, применении мер медицинского характера к лицам, страдающим психическими аномалиями и др.

4. 1917 – начало 30-х гг. XX в. – попытки создания права нового образца, пренебрежение к ряду фундаментальных институтов, игнорирование вопросов формы уголовного права. Характерной особенностью истории уголовного права первых лет советской власти стало то, что оно создавалось не столько представителями юридической науки, сколько практическими деятелями советской юстиции (Д. И. Курский, Н. В. Крыленко, П. И. Стучка и др.), что позволяет говорить в известном смысле о «втором пришествии» в Россию практической, прикладной юриспруденции, для которой, само собой разумеется, теоретические обобщения, в частности вопросы оформления и систематизации институтов уголовного права, были чрезвычайно далеки.

5. Середина – вторая половина XX в. – преодоление «левых» представлений о праве, возврат к разработке теоретических основ уголовного регулирования (А. А. Пионтковский, В. Г. Смирнов и др.), «отделение» уголовного права от уголовно-исполнительного (Б. С. Утевский, Н. А. Стручков, Н. А. Беляев, Ю. М. Ткачевский, М. А. Ефимов).

6. Конец XX в. – утверждение системного подхода в правовых исследованиях, создание теоретических основ познания системы права, активное стремление ученых институционализировать различные группы уголовно-правовых предписаний. Многочисленные дискуссии относительно системы права одним из своих итогов имели общепризнанное представление о структуре права и внутреннем строении его отраслей, которое включает в себя нормы, институты, подотрасли. В то же время уголовно-правовая наука и в середине XX столетия оставалась практически равнодушной к анализу проблем внутреннего строения, структурирования отрасли. Только в 1980-е гг. были опубликованы первые работы, специально посвященные исследованию институтов уголовного права (Н. И. Коржанский, Э. С. Тенчов). В дальнейшем лекало правового института применялось исследователями к самым различным группам уголовно-правовых норм.

7. Начало XXI в. – обобщение имеющихся в области познания отдельных институтах уголовного права наработок, стремление к созданию универсального учения о системе и внутреннем строении уголовного права, его институтах.

Глава 2 «Институт уголовного права: понятие, содержание, форма» посвящена анализу понятия, структуры уголовно-правового института, определению особенностей внешней формы его выражения.

В § 1 «Понятие и признаки института уголовного права» исходной точкой авторских рассуждений служит структурно-функциональный подход к пониманию права (Р. З. Лившиц), в рамках которого оно рассматривается не просто как система норм, но как совокупность идей, норм и реальных отношений. В связи с чем критической оценке подвергается устоявшийся в науке тезис об исключительно нормативном характере уголовного-правового института (Т. В. Клёнова). По мнению соискателя, в содержание последнего с необходимостью включаются, помимо собственно нормативного материала, принципы правовых институтов и соответствующие уголовно-правовые отношения.

Принципы институтов уголовного законодательства – менее емкое по объему образование, нежели принципы уголовного права, занимающее по отношению к ним подчиненное положение. Они отражают ценностный аспект права и оказывают детализированное, конкретизированное воздействие на относительно самостоятельную совокупность общественных отношений, составляющую предмет регулирования правового института. Принципы уголовно-правового института представляют собой основные идеи и требования, которые лежат в основе его создания и применения.

Установлено, что принципы уголовно-правовых институтов имеют две основные формы выражения. Во-первых, они могут быть непосредственно отражены в тексте нормативного правового акта и в этом случае приобретают статус нормативных предписаний. Во-вторых, идеи и принципы могут выражаться в форме доктринальных установок и положений и влиять на содержание и применение институтов уголовного права через правосознание субъектов нормотворчества и правоприменения. Автор обращает внимание на то, что знание и непосредственное руководство принципами уголовно-правового института ценно не только в процессе применения уголовно-правовых норм, но и, что особенно важно, в процессе их создания.

Общественные отношения, регулируемые уголовно-правовым институтом, укладываются в границы предмета уголовно-правовой отрасли и отражают функциональный аспект права. Учитывая общие характеристики предмета уголовного права, а также принимая во внимание специфические для отрасли юридические факты их возникновения, есть основания в качестве критерия для определения предмета регулирования уголовно-правового института считать: 1) степень общности регулируемых той или иной совокупностью уголовно-правовых норм отношений; 2) специфику юридических фактов, порождающих уголовно-правовые отношения. Эти критерии не являются взаимоисключающими. Обусловленные спецификой юридического факта уголовно-правовые отношения имеют различный уровень общности.

А потому именно их совместное использование дает возможность определить тот или иной институт уголовного права.

Внешнюю форму выражения отношений, составляющих предмет того или иного уголовно-правового института, образует правоприменительная практика. Как разновидность юридической практики она представляет собой деятельность государственных органов, занимающихся применением уголовного закона, взятую в единстве со всем накопленным в этой области опытом. И если практика применения уголовного закона есть форма выражения уголовно-правовых отношений в целом, то практика применения того или иного института, соответственно, есть внешняя форма выражения отношений, составляющих предмет данного института.

Ядро уголовно-правового института образуют нормативно-правовые предписания, характеризующие институциональный аспект права. Их характеристике в работе уделено повышенное внимание. Автор обращает внимание на следующие значимые вопросы, касающиеся нормативного содержания уголовно-правового института:

1. Опровергает подход, допускающий существование институтов, состоящих из одной уголовно-правовой нормы (Т. В. Клёнова, Н. А. Лопашенко). Одна норма, какое бы важное правило она в себе ни заключала, не может составить правового института, поскольку не в состоянии обеспечить регулирование каких-либо общественных отношений, их разновидностей или сторон (с таким подходом солидарны 73% опрошенных специалистов).

2. Подчеркивает, что образующие институт нормативные предписания должны обладать важным качеством отраслевой чистоты. Данный признак не нарушается наличием межотраслевых и комплексных внутриотраслевых институтов, поскольку последние представляют собой «вторичную перегруппировку норм данной отрасли» (С. В. Поленина), результат «удвоения правовой материи» (С. С. Алексеев), не отражаясь на отраслевой чистоте собственно правового института.

3. Отмечает, что сумма юридически однородных уголовно-правовых норм, регулирующих специфический тип уголовно-правовых отношений, только тогда может считаться институтом, если она обеспечивает «цельное, относительно законченное», «беспробельное» правовое регулирование. Учитывая остродинамические характеристики современных социальных процессов, объективное отставание права от потребностей регуляции общественных отношений, принимая во внимание внутренние особенности самого права, а также в ряде случаев откровенно субъективный характер уголовного творчества, правовой институт за редким исключением может обладать признаками целостности и беспробельности. Тем не менее степень сформированности уголовно-правового института напрямую определяется степенью приближения к этим признакам.

4. Соглашается с мнением, что важным признаком уголовно-правового института является наличие у него определенных целей (Т. В. Клёнова). Совокупность норм, составляющих институт уголовного права, во-первых, нацелена на детализированное решение внутриотраслевых задач, а во-вторых, способствует осуществлению общесоциальных и иных целей, находящихся за пределами отрасли уголовного права. Содержание задач уголовно-правовых институтов менее глобальное по объему, но более богатое по содержанию.

Отмеченные характеристики предъявляют особые требования к набору правовых предписаний, образующих институт. В § 2 «**Структура института уголовного права**» доказывается, что этот набор должен в идеале охватывать все возможные ситуации в уголовно-правовом регулировании той или иной группы общественных отношений, содержать общие и специальные положения, позволяющие полноценно их применять. Он включает в себя:

1) ядро института – несколько генеральных нормативных предписаний регулятивного или охранительного характера, представляющих собой каждое в отдельности ассоциацию одного основного и одного или нескольких конкретизирующих (детализирующих или вариативных) предписаний;

2) необходимое дополнение – специализированные предписания общего характера: общие, декларативные, дефинитивные;

3) возможное дополнение – специализированные предписания специального типа: оперативные, коллизионные.

Каждое из этих предписаний находится в тесной взаимосвязи, взаимно определяя и содержание друг друга, и порядок применения. Общие, декларативные и нормативные предписания, с одной стороны, и оперативные и коллизионные, с другой, могут быть общими для различных уголовно-правовых институтов, входить в несколько (а порой и во все) из них. В то же время сами по себе эти нормативные предписания вполне могут быть объединены в так называемые общие институты, призванные осуществлять «сквозное» регулирование, распространяющие свое действие на все отношения, составляющие предмет отрасли уголовного права.

В § 3 «Институты уголовного права и внешняя форма их выражения» установлено, что вопрос о внешней форме выражения нормативных предписаний, составляющих уголовно-правовой институт, непосредственно связан, как минимум, с двумя большими темами: формальными источниками уголовного права и юридической техникой в уголовном праве.

Признавая полиисточниковый характер отрасли уголовного права (78% опрошенных специалистов также признали, что УК РФ сегодня не может быть признан единственным источником отрасли), соискатель утверждает, что формой выражения уголовно-правовых предписаний (и как следствие – институтов уголовного права) является не только уголовный закон, и даже не уголовное законодательство как совокупность нормативных актов. Такой формой выступают источники уголовного права.

Система источников уголовного права представляет собой иерархическую структуру органично взаимосвязанных элементов, каждый из которых содержит правовые установления уголовно-правового характера. Автор исходит из того, что иерархия источников уголовного права включает в себя: Конституцию РФ и постановления Конституционного суда РФ; обязательные

для России принципы и нормы международного права; Уголовный кодекс РФ; иное законодательство (включая собственно законы, постановления и другие нормативные формы права); судебную практику (включая постановления Пленума Верховного суда РФ и судебные прецеденты).

Иерархия источников уголовного права тесно связана с нормативной структурой уголовно-правового института. Составляющие его предписания также образуют иерархическую систему. На вершине ее стоят общие и декларативные положения, затем – дефинитивные, следом – основные предписания, затем – детализирующие и вариативные, замыкают систему оперативные и коллизионные предписания. Такая конструкция обеспечивает внутреннюю согласованность предписаний, образующих уголовно-правовой институт, и в полной мере отвечает потребностям уголовно-правового регулирования. Иерархия нормативных предписаний института уголовного права находится в корреляционной связи с системой источников отрасли, с их юридической силой, отсюда следуют два общих правила:

1. Чем выше уровень предписания, составляющего институт уголовного права, тем выше в иерархии место источника его выражения и закрепления. Так, предписания, определяющие задачи уголовно-правового института и содержащие указание на его принципы, должны быть закреплены в источниках, находящихся в верхнем спектре иерархии – Конституции Российской Федерации, международных документах, федеральных законах; дефинитивные предписания и генеральные предписания института, как правило, – на уровне УК РФ и иного законодательства; оперативные и коллизионные правила могут фиксироваться на уровне законов, подзаконных нормативных актов либо на уровне актов судебного правотворчества.

2. Чем выше уровень источника права, тем больше разновидностей предписаний он может содержать. Так, на конституционном, международном уровне, на уровне закона могут фиксироваться и принципы, и дефиниции, и генеральные предписания, и оперативные, и коллизионные. В то же время на уровне актов судебного правотворчества могут быть закреплены норматив-

ные предписания дефинитивного или коллизионного содержания, но вряд ли могут фиксироваться генеральные уголовно-правовые предписания.

Связь вида предписания с юридической силой правового источника не является жесткой. Она в большей степени отражает «типовую модель» построения уголовно-правового института. В реальной практике возможны и отступления от нее. Причем в ряде случаев приходится констатировать, что такие отступления являются ничем иным, как нарушением режима законности. Несоответствие вида нормативного предписания уровню источника, в котором оно закреплено, следует рассматривать как существенный дефект правотворчества, обусловленный, среди прочего, недостаточной разработанностью теории источников и теории законодательной техники в уголовном праве.

Связь источников уголовного права и нормативных предписаний института уголовного права отражает лишь одну сторону их внешнего оформления. Второй стороной является проблема технического закрепления института нормативных предписаний непосредственно в тексте правового источника. Анализируя ее, диссертант обращает внимание на следующие проблемы:

1. Нецелесообразность и техническое несовершенство закрепления правового института в рамках одной статьи уголовного закона (ст. 86, 88 УК РФ и др.). При таком конструировании статья получается неоправданно «перегруженной». Каждая статья уголовного закона, по идее, должна представлять собой единую, законченную мысль, содержать одно основное нормативное предписание (возможно с вариативными и детализирующими предписаниями). Несколько равноценных предписаний, которые формируют правовой институт, должны фиксироваться каждое в самостоятельной статье. А общей закономерностью в формальном закреплении института должно стать принципиальное соответствие между уголовно-правовым институтом и главой УК (97% респондентов напрямую связывают институт уголовного права с главой УК РФ).

2. Ущербность ситуации, при которой оформившийся институт права не получает оформления в качестве самостоятельной структурной единицы нормативного акта, а равно когда одна глава закона объединяет несколько правовых институтов.

3. Недопустимость закрепления статуса внешней формы уголовно-правового института за разделом УК РФ. Появление разделов в структуре УК РФ 1996 г. неубедительно. Возможно, оправданное исключительно соображениями юридической техники, оно, однако, не привело к изменению структуры системы самого уголовного права.

4. Принципиальная допустимость и возможность институциональной кодификации уголовно-правовых норм, при которой отдельные институты получают фиксацию на уровне самостоятельного закона. Она имеет смысл в случаях, когда соответствующие институты:

- регулируют специфический вид уголовно-правовых отношений, порожденных юридическими фактами, существенно отличающимися от «типовых» оснований возникновения этих отношений;

- становятся все более важными элементами уголовно-правового регулирования, причем эта важность диктуется насущными социальными потребностями и ожиданиями в повышении качества и результативности регулирования;

- требуют увеличения объема законодательной регламентации, в первую очередь за счет создания множества специальных, конкретизирующих и коллизионных нормативных предписаний;

- нуждаются в систематизации в виду усложнения внутренней структуры и наличия множества не свойственных для других уголовно-правовых институтов «внешних» связей с нормами и институтами иных отраслей права;

- обеспечены в организационном плане соответствующей системой особых юрисдикционных органов и специальных учреждений (например, суды для несовершеннолетних, специальные воинские суды, мировые судьи).

Проведенное исследование показало, что как минимум три группы отношений, заслуживают регулирования на уровне отдельного закона: отношения в связи с совершением преступлений несовершеннолетними (поддержано 63% опрошенных); отношения в связи с совершением воинских преступлений в военное время (69% респондентов) и отношения в связи с совершением уголовных проступков¹ (62% специалистов). Автор, не будучи сторонником немедленного проведения институциональной кодификации соответствующих институтов, обосновывает лишь ее потенциальную возможность и теоретическую допустимость, решение которой будет связано как с развитием самого уголовного права, так и с более широкой практикой совершенствования правовых и организационных основ противодействия преступности.

Глава 3 «Проблемы классификации и систематизации институтов уголовного права» посвящена исследованию возможностей системного подхода к познанию институтов уголовного права.

В § 1 «Классификация институтов уголовного права» критически оценивается жесткое дихотомичное деление институтов уголовного права на регулятивные и правоохранительные. С учетом того, что норма уголовного права (а следовательно, и институт) имеет двух адресатов – граждан и государственные органы, охранительные и регулятивные аспекты воздействия уголовного права нельзя отрывать друг от друга и тем более противопоставлять. В связи с этим одни и те же нормативные предписания в зависимости от точки зрения исследователя можно рассматривать и с позиций правоохранительного института, и с точки зрения института регулятивного.

Следующая классификация уголовно-правовых институтов, исследованная в работе, состоит в их делении на предметные и функциональные. Соискатель отмечает отсутствие в науке единого представления о критериях для выделения этих групп институтов. В диссертации обосновывается, что критериями выделения предметных институтов являются: 1) определенные разновидности уголовно-правовых отношений (для выделения всех институ-

---

¹ Под уголовным проступком в анкете было предложено считать преступление небольшой тяжести.

тов Особенной части уголовного права, а равно для выделения некоторых институтов Общей части, например, института принудительных мер медицинского характера, регулирующего отношения в связи с фактом совершения предусмотренного УК РФ деяния лицом, находящимся в состоянии невменяемости); 2) отдельные элементы уголовно-правовых отношений (например, для выделения институтов наказания, конфискации имущества). Критерии выделения функциональных институтов должны быть, по мнению автора, связаны с их основной задачей, которая состоит в дифференциации уголовной ответственности. В связи с этим систему функциональных институтов необходимо выстраивать в зависимости от оснований такой дифференциации.

Далее исследуется вопрос о классификации институтов уголовного права на дифференцированные и интегральные. Дифференцированные институты по своему происхождению близки группе функциональных институтов. Они возникают на основе отдельных вариантных конкретизирующих правовых предписаний и появляются в целях углубленного регулирования той или иной разновидности общественных отношений. Интегральные институты представляет собой комплекс норм, закрепляющих общую правовую конструкцию, в преломленном виде выраженную в дифференцированных институтах.

Важной для понимания структуры самого уголовного права и характера его связей с иными правовыми отраслями является классификация уголовно-правовых институтов на основе отраслевой принадлежности образующих их предписаний. Исходя из этого критерия, в работе выделяются отраслевые (однородные и комплексные), смешанные и межотраслевые правовые институты.

Классификация уголовно-правовых институтов не является самоцелью. Она позволила выявить основные проблемы, настоятельно требующие своего разрешения. Суть их в следующем:

– в доктрине, и как следствие, в УК РФ отсутствует четкое представление о системе оснований дифференциации уголовной ответственности и критериях выделения функциональных и дифференцированных уголовно-правовых институтов;

– в УК РФ ощущается острая нехватка интегральных институтов, регламентирующих наиболее общие, «сквозные» вопросы уголовной ответственности;

– структура уголовного закона свидетельствует о неравномерности в подходах к конструированию отдельных уголовно-правовых институтов, часть из которых насыщена субинститутами, а часть – включает в себя несколько (а то и одну) уголовно-правовую норму;

– в доктрине уголовного права практически отсутствуют исследования, комплексно изучающие вопросы социальной обусловленности и социальной эффективности тех или иных уголовно-правовых институтов, что, вне сомнений, отражается на качестве регулятивной и правоохранительной функции уголовного закона в целом;

– слабая разработанность проблем внутриотраслевых и межотраслевых связей уголовно-правовых норм и институтов обуславливает внутреннюю противоречивость, несогласованность уголовного закона, что снижает его качество и функциональность.

Классификация уголовно-правовых институтов служит отправной точкой в системном познании этих феноменов, которые, будучи сами по себе комплексными образованиями, своей совокупностью образуют качественно новое явление – систему институтов уголовного права. В связи с этим в § 2 **«Предпосылки системного анализа институтов уголовного права»** обращается внимание на некоторые важные позиции, связанные с соблюдением требований системного исследования.

Автор подвергает критической оценке ставшую устойчивой научную традицию анализа системы институтов уголовного права исключительно с точки зрения структуры уголовного закона. Такой подход, отождествляя си-

стему уголовного права и уголовного закона, не только демонстрирует грубый нормативизм; не только нарушает элементарные философские основания, выдавая следствие (структуру закона) за причину (систему права); но и самым непосредственным образом противоречит требованиям системного подхода, не позволяющего анализировать систему институтов уголовного права как замкнутое на законе образование, лишенное связей с внешней средой. Уголовный кодекс, как форма выражения уголовного права, не столько формирует, сколько отражает существующие или формирующиеся институты уголовного права. А потому логика теоретического анализа институтов должна идти не по линии «от кодекса – к праву», а, наоборот, «от права – к кодексу» с тем, чтобы оценить степень адекватности содержания и структуры уголовного закона содержанию и структуре уголовного права.

Этот путь предполагает в некоторой степени изолированное от УК РФ познание уголовного права. Такое изучение не только вполне возможно (до известного предела, разумеется), но и необходимо. И начинаться оно должно с познания «спроса на уголовное право» (А. Э. Жалинский). Спрос на уголовное право представляет собой осознанную обществом и оцененную профессиональными юристами потребность в уголовно-правовом реагировании на те или иные выходящие за пределы случайности деяния, причиняющие или создающие угрозу причинения существенного вреда личности, обществу или государству. Спрос порождается потребностями как минимум двух социальных субъектов: тех, кто нуждается в уголовно-правовой защите, и тех, кто, применяя уголовный закон, эту защиту предоставляет. Содержание «желаемого» уголовного права, степень абстрактности или конкретности предвидения механизма и результата удовлетворения потребности в уголовном праве у этих субъектов будут различными. Но в любом случае именно эти совокупные потребности определяют и содержание, и систему уголовного права.

Учитывая, что процесс зарождения спроса на уголовное право, его профессиональной обработки и реакции на него является перманентным, развивающимся параллельно с процессом реализации действующего (нормативно

закрепленного) уголовного права, есть основания утверждать, что в любой момент существует как бы две системы институтов уголовного права: система, закрепленная в законе, и система, представленная в правосознании, отраженная прежде всего в научных публикациях по проблемам уголовного права. Этот факт не позволяет слепо следовать установленному в уголовном законе порядку изложения нормативных предписаний при обсуждении системы институтов уголовного права и разрабатывать пути оптимизации этой системы, исходя из нее самой. Он обуславливает необходимость «выхода» за рамки Уголовного кодекса в так называемую «внешнюю среду» уголовного права. Сказанное обязывает исследовать систему институтов уголовного права не только во взаимосвязи между собой и взаимодействии с институтами иных отраслей права, но и учитывать зависимость рассматриваемой системы от правотворчества, правовой доктрины, юридической практики, национальной правовой системы и международного правопорядка в целом.

Такое взаимодействие системы уголовно-правовых институтов с внешней по отношению к ним средой не приводит к «размыванию» самой этой системы, ее поглощению средой. Система институтов уголовного права имеет свои границы, до определенного предела автономна и независима от внешнего влияния, прежде всего в силу того, что обладает своеобразными функциями, которые не может выполнить любой другой элемент внешней по отношению к уголовному праву среды, а также по причине того, что система уголовно-правовых институтов имеет внутреннюю устойчивость, обусловленную структурой, элементным строением этой системы.

В уголовно-правовой науке структура системы институтов уголовного права не является общепризнанной. Однако наиболее распространен подход самостоятельного представления институтов Общей и Особенной частей уголовного права, исходя из наличия между ними субординационных связей. Он может быть взят за основу при изучении проблем систематизации уголовно-правовых институтов, однако требует принципиальных уточнений.

Во-первых, раздельная систематика институтов Общей и Особенной частей уголовного права не означает их изолированности друг от друга. Обе подсистемы, будучи относительно цельным и самостоятельным образованием, являются все же частью системы более высокого уровня – уголовного права в целом, в силу чего находятся в тесной системной связи между собой, образуя определенное единство.

Во-вторых, соглашаясь с тезисом о субординационных связях преступления и наказания с задачами и принципами уголовного права, важно подчеркнуть характер связей институтов преступления и наказания между собой. Описывать эту связь в категориях субординации невозможно, поскольку нормы, регламентирующие наказание, не подчиняются нормам о преступлении. Содержание норм об уголовном наказании детерминировано не столько законодательным пониманием преступления, сколько иными, более глубинными социальными факторами (представлением о детерминации человеческого поведения, целях уголовной политики и т. д.). С большей уверенностью можно вести речь и о том, что институты, посвященные преступлению и наказанию, находятся в отношениях координации. Она носит не только технический, организационный, но и содержательный характер. Разнообразие норм о наказании, его видах и правилах назначения определяется законодательным подходом к определению стадий, видов, категоризации преступлений. В связи с этим анализ соотношения институтов преступления и наказания позволяет установить степень полноты и беспробельности уголовно-правового регулирования, но не предрешает вопрос об адекватности наказания преступлению.

В-третьих, признавая в качестве исходного тезис о том, что институты Особенной части отражают конституционно установленные приоритеты уголовно-правовой охраны, нельзя упускать из виду, что сами эти приоритеты еще не свидетельствуют о субординационной связи между предметными институтами Особенной части. Каждый объект охраны, какое бы место в иерархии социальных ценностей он не занимал, является, с точки зрения учения об объекте преступления, равновеликим, требующим равного подхода к

установлению норм о его защите. А потому субординационной связи между предметными институтами Особенной части быть не может.

Изложенное непосредственно подводит автора к анализу проблемы связей между элементами структуры системы институтов уголовного права. Требования системного подхода состоят в том, чтобы рассмотреть связь между институтами уголовного права лишь в качестве одного из видов связей, присущих их системе. Исходя из этого, важно отметить, что система институтов уголовного права, будучи по своему характеру открытой, имеет присущие любой системе «вход» и «выход» (А. И. Бойко).

Основные параметры «входа» заданы теми криминальными вызовами и угрозами, которые сложились в конкретный исторический отрезок в обществе, находящемся на определенном уровне экономического, социального, политического, нравственного развития, с присущим ему уровнем развития социальных и гуманитарных наук. Эти вызовы, будучи преобразованными системой институтов уголовного права, дают на «выходе» из системы результат действия отрасли в виде предупреждения преступлений, минимизации их количества и социальных последствий, обеспечения криминологической безопасности личности, общества и государства; иными словами, результат в виде некоторого преобразования той самой внешней среды, вызовы которой фиксируются на «входе» в систему уголовного права.

Связи системы институтов уголовного права с внешней средой заданы целями и задачами отрасли. В то же время цели уголовного права определяют не только его внешние, но и внутрисистемные связи между уголовно-правовыми институтами. Из всего многообразия в данном случае наиболее значимыми будут связи порождения (генетические), координации, субординации, взаимодействия, которые в своей совокупности призваны обеспечить поддержание гомеостаза системы уголовного права и его адаптацию к изменяющимся внешним условиям. Здесь важно отметить, что:

1) в системе уголовного права нет и не может быть не взаимосвязанных между собой или бездействующих институтов. «Мертвый» или «выпадаю-

щий» элемент, как правило «останавливает» всю систему; в результате она лишается качества системности и снижает или полностью утрачивает свою эффективность;

2) системный характер институтов не предполагает, что каждый из них должен иметь непосредственные связи со всеми остальными институтами. Конфигурация связей между уголовно-правовыми институтами нелинейна; между некоторыми институтами она может носить непосредственный характер, а между иными – опосредованный; между отдельными институтами будет существовать один вид связей, в то время как между другими – другой. Характер связей здесь будет определяться, прежде всего, содержанием уголовно-правовых институтов и местом, которое они занимают в системе отрасли.

Глава 4 «Система институтов современного Российского уголовного права» посвящена исследованию современного состояния институтов нормативных предписаний Общей и Особенной частей уголовного права.

В § 1 «Система институтов Общей части уголовного права» установлено, что основное предназначение Общей части состоит в нормативном «обслуживании» двух центральных категорий – преступления и уголовной ответственности (в связи с чем доказывается категориальный характер этих понятий, раскрывается их связь с иными феноменами). Именно вокруг них строится система институтов Общей части уголовного права (хотя и не ограничивается только ими).

Категория преступления конкретизируется предписаниями раздела II Общей части УК РФ. Признавая в целом адекватность структуры этого раздела подсистеме преступления, диссертант в тоже время констатирует:

1. Целесообразность вычленения из главы 3 УК РФ в самостоятельную структурную единицу закона норм, образующих институт множественности преступлений (опыт УК Украины, Узбекистана, Грузии).

2. Возможность разделения предписаний главы 8 УК РФ на две группы: об обстоятельствах, исключающих общественную опасность деяния, и

обстоятельствах, исключающих виновность. Первую из выделенных групп в большей степени оправданно рассматривать в качестве составной части института понятия и категорий преступлений, в то время как вторую – составной частью института вины.

3. Необходимость совершенствования порядка изложения уголовно-правовых институтов в УК РФ, следуя логике: от общего к частному, от единичного к множественному, от общих правил к исключениям.

На основании проведенных исследований устанавливается, что категории преступления в уголовном праве России должны быть посвящены следующие институты (по порядку): институт понятия и категорий преступления, охватывающий субинститут обстоятельств, исключающих общественную опасность деяния; институт лиц, подлежащих уголовной ответственности; институт вины, содержащий субинститут обстоятельств, исключающих виновность; институт неоконченного преступления; институт множественности преступлений; институт соучастия в преступлении.

Категории уголовной ответственности посвящены разделы III, IV, VI УК РФ. Должная систематизация институтов подсистемы уголовной ответственности предполагает первоочередное решение вопросов соотношения уголовной ответственности, мер уголовно-правового характера и уголовного наказания. Исследуя их, автор делает вывод, что к мерам уголовно-правового характера, которые наряду с государственным порицанием выступают частью уголовной ответственности, следует относить: наказание; меры, его заменяющие (меры, применяемые при условном осуждении, меры воспитательного воздействия); и меры, назначаемые вместе с уголовным наказанием (конфискация имущества, меры принудительного лечения). Нормативные предписания уголовного законодательства, которые раскрывают содержание данных мер, правила их применения и неприменения (освобождения от них), и составляют тот корпус уголовно-правовых институтов, которые посвящены категории уголовной ответственности.

Автор констатирует не только пробельность этой подсистемы институтов (отсутствие института понятий и целей уголовной ответственности, правил назначения иных, кроме наказания, мер уголовно-правового характера), но и нарушение логики их расположения в структуре закона. С учетом проведенного исследования и опыта зарубежных стран (Беларуси, Украины, Узбекистана), предлагается новая структура и порядок изложения институтов, посвященных категории уголовной ответственности: институт понятия и целей уголовной ответственности; институт освобождения от уголовной ответственности; институт понятия и видов наказания; институт назначения наказания; институт освобождения от отбывания наказания; институт конфискации имущества и правил ее назначения; институт принудительных мер медицинского характера и правил их назначения; институт судимости.

В § 2 «Система институтов Особенной части уголовного права» автор отмечает наличие устойчивой и оправданной традиции считать, что эти институты объединяют предписания об ответственности за преступления, посягающие на однородные общественные отношения. Учитывая системообразующее значение объекта преступления, соискатель обращается к анализу этого феномена и констатирует:

1. Перечисление объектов охраны в ч. 1 ст. 2 УК РФ должно сочетаться с указанием на обобщенные «права и законные интересы человека, общества и государства», что обеспечит системе институтов Особенной части «открытый вход» на границе с внешней социальной средой, под воздействием которой эта система формируется.

2. Теория объекта преступления должна оптимизировать «вертикальную классификацию» объектов, на основе которой институты Особенной части логично представить как совокупность предписаний об ответственности за преступления, имеющие единый родовый объект и сгруппированные в рамки одной главы УК.

3. Иерархия объектов уголовно-правовой охраны не должна пониматься буквально, как приоритет одних объектов перед другими; она отражает не

их соподчиненность, а социальную и политическую оценку, значимость для общества на том или ином этапе его развития. Исходя из положений Стратегии национальной безопасности России до 2020 года, которая носит подчеркнуто этатистский характер, принимая во внимание мировой тренд в части понимания соотношения личной и общественной безопасности, российскую историческую традицию первоочередной охраны интересов государства, а также мнение 73% опрошенных нами специалистов, диссертант делает вывод о том, что сложившаяся иерархия объектов уголовно-правовой охраны и основанная на ней последовательность изложения институтов Особенной части уголовного права должны быть пересмотрены.

Вместе с тем изменение порядка изложения институтов в Особенной части уголовного права сегодня блокируется структурой уголовного закона, который объединяет главы в разделы. Очевидно, что чисто механическая рокировка разделов не способна решить поставленную проблему, поскольку внутри каждого из разделов закона имеются главы о преступлениях, посягающих на весьма неравноценные по значимости объекты. В связи с этим дополнительно актуализируется тезис о необходимости отказа от разделов как структурной единицы уголовного закона. Их отсутствие позволит более свободно определять порядок расположения уголовно-правовых институтов, сопоставляя ценность отдельных родовых объектов посягательств.

Анализируя с этих теоретических позиций институциональное оформление Особенной части уголовного права, соискатель формулирует следующие положения:

1. Законодателем нарушается принцип оформления уголовно-правовых институтов в самостоятельные структурные единицы закона. Глава 16 УК РФ объединяет собой две самостоятельные группы преступлений: против жизни (ст. 105–110 УК РФ) и против здоровья (ст. 111–125); равным образом глава 17 УК РФ содержит описание двух групп преступлений: против свободы (ст. 126–128 УК РФ) и против чести и достоинства (ст. 128.1 УК РФ); глава 25 УК РФ охватывает преступления против здоровья населения (ст. 228–239 УК

РФ) и преступления против общественной нравственности (ст. 240–245 УК РФ). Такой законодательный прием нельзя признать удачным, а тезис о возможности разделения глав 16, 17 и 25 УК РФ нашел поддержку у 69% опрошенных специалистов.

2. Законодателем недооценен такой объект, как избирательная система. В современных условиях опасность этих преступлений состоит не только (и не столько) в нарушении прав граждан, сколько в подрыве фундаментальных принципов организации государственной власти и управления в стране. С учетом опыта УК Швейцарии и ФРГ, а также принимая во внимание мнение 57% опрошенных специалистов, полагаем, что описание преступлений, предусмотренных ст. 141–142² УК РФ, должно быть осуществлено на уровне отдельной главы УК РФ, а эти нормы – образовывать самостоятельный уголовно-правовой институт, социально-правовая природа которого ближе к средствам защиты государственной безопасности, чем к личной.

3. Законодатель явно переоценил значимость интересов службы в коммерческих или иных организациях. В науке имеется достаточно свидетельств в пользу того, что институт ответственности за эти посягательства сформирован не в соответствии с основным объектом посягательства; защита же истинных объектов может быть осуществлена без выделения в УК РФ рассматриваемой главы.

На основе проведенных исследований систему институтов Особенной части уголовного права диссертант представляет следующим образом (по порядку): преступления против мира и безопасности человечества; преступления против основ конституционного строя и безопасности государства; преступления против общественной безопасности; преступления против жизни; преступления против здоровья; преступления против свободы личности; преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности; преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина; преступления против несовершеннолетних; преступления против чести и достоинства личности; преступления против собственности; преступ-

ления против предпринимательской и иной экономической деятельности; преступления против здоровья населения; преступления против общественной нравственности; преступления против безопасности природной среды; преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта; преступления против безопасности компьютерной информации; преступления против избирательной системы; преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления; преступления против правосудия; преступления против порядка управления; преступления против военной службы.

Глава 5 «Внутриотраслевые и межотраслевые связи институтов уголовного права» посвящена исследованию вопросов взаимосвязи институтов уголовного права между собой, а также с институтами иных отраслей права.

В § 1 **«Взаимосвязь институтов Общей и Особенной частей уголовного права»** автор отмечает, что в ее основе лежат, прежде всего, особенности генезиса предписаний Общей части. Значительная часть последних появилась как результат доктринального и нормативного обобщения предписаний Особенной части, итог «вынесения за скобки» общих для определенной группы норм положений. В связи с чем и сама эта связь может рассматриваться через призму философских категорий «общее» и «особенное». Вместе с тем целый ряд положений Общей части (о пределах действия уголовного закона; об обстоятельствах, исключающих преступность деяния; о назначении наказания; освобождении от ответственности и наказания; об особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних и о «иных» мерах уголовно-правового характера) являются результатом не обобщения некоторой совокупности положений Особенной части, а следствием самостоятельного развития отдельных таких положений, распространения их юридической силы, изначально ограниченной ситуацией совершения каких-либо конкретных преступлений, на более широкий круг общественно опасных посягательств. Такие предписания Общей части сохраняют исключительно исто-

рико-генетическую связь с Особенной частью, которая не укладывается в границы соотношения «общего» и «особенного».

Это обстоятельство подчеркивает в некоторой степени самостоятельный характер Общей части уголовного права, которая по мере развития отрасли стала не просто «общим знаменателем» для множества конкретных уголовно-правовых запретов, но и приобрела гораздо более важную роль. Теперь институты Общей части выступают в качестве ограничений или требований, которым должны соответствовать породившие их некогда положения Особенной части. При этом определяющее значение институтов Общей части проявляется в том, что:

– понятие и конструкции, закрепленные в них, должны применяться в Особенной части в том смысле и значении, которое им придается Общей частью;

– то или иное законоположение может претендовать на роль предписания Общей части уголовного права лишь в случае, если оно применимо ко всем предписаниям Особенной части, доказало свою эффективность историческим опытом и получило более или менее однозначную положительную оценку в науке;

– любые исключения из общих правил, в принципе возможные и допустимые с точки зрения повышения эффективности уголовно-правового регулирования и учета конкретных обстоятельств совершения преступления, должны быть специально оговорены в Особенной части;

– все предписания Особенной части о преступности и наказуемости отдельных деяний (в том числе и исключительные, специальные предписания) должны иметь базу в институтах Общей части и опираться на них.

Такого рода связь предписаний и институтов Общей и Особенной частей обеспечивает уголовному праву внутреннюю согласованность и непротиворечивость. Связь эта должна быть адекватно отражена и уголовным законодательством. Вместе с тем, как показывает опыт, отечественный законодатель в целом ряде случаев вносит изменения в Особенную часть уголовно-

го закона, не учитывая положений Общей части, что непременно отражается и на качестве закона, и на эффективности правоприменения (62% опрошенных респондентов указали, что испытывают проблемы с пониманием или применением уголовного закона, которые обусловлены именно несогласованностью отдельных его предписаний). Коллизии предписаний Общей и Особенной частей уголовного закона, как разновидность содержательных коллизий, имеют своей причиной факторы субъективного порядка, которые связаны как с несовершенством законодательной техники, так и с неразработанностью концепции построения уголовного закона. И в силу этого, такие коллизии – крайне нежелательное явление в механизме уголовно-правового регулирования. Исходя из содержания закона и общих правил разрешения коллизий они не могут быть преодолены. Не является оптимальным вариантом решения проблемы и создание коллизионных правил (Н. Н. Моршакова). Автор отмечает, что в рассматриваемой ситуации требуется не преодоление, а законодательное устранение коллизий; это единственно возможный способ восстановления системного единства уголовного закона в случае рассогласования предписаний между его Общей и Особенной частями.

При этом должно быть очевидно, что предписания и институты Общей части должны обладать большей стабильностью. Не они должны приспосабливаться к относительно быстро меняющимся предписаниям Особенной части, а наоборот, предписания Особенной части должны приводиться в соответствие с положениями Общей части. Это не означает для Общей части иммунитета от трансформаций. Но, внося поправки в Общую часть, надо понимать, что любая коррекция ее положений влечет за собой изменение сути уголовно-правовых явлений и конструкций, а потому сродни с вмешательством в генетический код уголовного права, способным породить непредсказуемые мутации. Диссертант особо подчеркивает, что гарантии стабильности Общей части уголовного права находятся вне сферы самого уголовного закона – в области нормотворчества и правопонимания. А потому они должны включать в себя утверждение в профессиональном сознании системного ви-

дения права и оптимизацию законотворческих процедур, прежде всего за счет совершенствования экспертных процедур и повышения статуса заключений правовой, криминологической, лингвистической и иных экспертиз.

В § 2 «Взаимосвязь институтов уголовного права и институтов иных отраслей права», в отличие от распространенной точки зрения (Н. И. Пикуров), диссертант устанавливает наличие межотраслевых связей для институтов не только Особенной, но и Общей части уголовного права. В работе подчеркивается, что единственной формой отражения межотраслевых связей в УК РФ является бланкетность. Различая два основных варианта проявления бланкетности: бланкетный признак (использование иноотраслевых терминов в законе) и собственно бланкетная диспозиция (формулирование нормы посредством ссылки на нарушение лицом тех или иных иноотраслевых правил), соискатель отмечает связь формы проявления бланкетности с содержанием межотраслевых связей. В частности, собственно бланкетная диспозиция может быть характерна только для норм Особенной части уголовного закона, в то время как бланкетный признак может быть свойственен нормам как Особенной, так и Общей части.

В работе критически оценивается мнение специалистов (А. В. Наумов, Н. И. Пикуров), полагающих, что бланкетная форма конструирования уголовного закона отражает наличие в уголовном праве межотраслевых нормативных образований. Подобного рода рассуждения ведут к фактическому размыванию границ системы уголовного права, признавая практически любой институт уголовного права межотраслевым, а любой нормативный акт – источником уголовно-правовой отрасли. Бланкетная диспозиция и бланкетные признаки не приводят к смешению разноотраслевого правового материала в одном правовом образовании, а скорее напротив, проводят между ним четкую грань, не допуская размывания границ уголовно-правовых норм и институтов. Иноотраслевое законодательство при бланкетных признаках и бланкетной диспозиции не становится частью уголовного законодательства, а выполняет лишь роль источника официального толкования уголовного за-

кона (именно такой статус бланкетного материала признали 68% респондентов). При этом оно не смешивается с уголовно-правовым материалом и не образует межотраслевых формирований в исследуемой отрасли права.

Бланкетность, таким образом, отражает лишь связь моноотраслевых правовых образований. Принципиально иной тип межотраслевого взаимодействия демонстрируют комплексные межотраслевые институты, которые, как известно, характеризуют не структуру отдельной отрасли, а структуру права в целом (С. С. Алексеев). Их формирование может происходить на основе двух модельных ситуаций: когда метод уголовно-правового регулирования накладывается на предмет иных отраслей права и когда методы иных отраслей права накладываются на предмет уголовно-правового регулирования.

1. Регулируя позитивные, базисные общественные отношения, законодатель в ряде нормативных актов устанавливает правило, согласно которому поведение людей, нарушающее правовые рамки этих отношений, влечет уголовную ответственность. Образующий при этом межотраслевой институт недостаточен для целей уголовно-правового регулирования в силу предписаний ч. 1 ст. 1 УК РФ. Уголовно-правовые средства регулирования общественных отношений, составляющих предмет комплексного законодательства, непосредственно подключаются лишь после того, как в уголовный закон будут внесены соответствующие положения. Такой прием является вполне обоснованным. Он обеспечивает, с одной стороны, собственно комплексный характер регулятивного законодательства, а с другой – необходимые межотраслевые связи норм и институтов уголовного права. Проблема возникает лишь в том случае, когда указание законодателя на необходимость установления уголовной ответственности в комплексном нормативном акте не сопровождается детальной проработкой этого вопроса в УК РФ. Образующийся при этом пробел в уголовном праве с необходимостью требует законодательного устранения.

2. Второй тип комплексных межотраслевых институтов возникает в ситуации, когда на предмет собственно уголовно-правового регулирования накладываются элементы методов иных отраслей права. Таковыми образованиями можно признать институты компенсации вреда потерпевшему, судимости, мер медицинского характера, конфискации имущества и некоторые другие. Их объединяет расширение спектра применяемых к регулированию уголовно-правовых отношений методов и комплексный характер правового воздействия. Формируемое правовое образование имеет очевидно межотраслевой характер и не может быть полностью поглощено какой-либо отдельной отраслью права. В связи с этим вполне целесообразно урегулировать соответствующие отношения на уровне самостоятельного нормативного акта, который наряду с УК РФ должен считаться источником уголовного права (48% респондентов согласились с такой возможностью).

Далее автор обращает внимание еще на один правовой феномен, связанный с существованием в российской системе права двух относительно самостоятельных охранительных отраслей: уголовного и административно-деликтного. Учитывая единый охранительный характер предписаний и их тесную подвижную связь, можно говорить о том, что граничащие друг с другом уголовно-правовые и административно-деликтные институты образуют особый правовой феномен – межотраслевой пограничный институт. Его специфика состоит в том, что методы смежных отраслей права применяются для регулирования однотипных общественных отношений, возникающих в связи с совершением правонарушения, настолько значимого, что требует публичной правовой ответственности. Автор констатирует, что рассматриваемый феномен не укладывается в границы только что отмеченных типов межотраслевых связей, поскольку при однотипности юридических фактов, порождаемых ими отношений и методов регулирования, нормы права все же образуют хотя и взаимосвязанные, но различные правовые институты, принадлежащие различным отраслям права. В отличие от рассмотренных ситуаций, основная задача при изучении и применении граничащих уголовно-правовых

и административно-правовых институтов состоит не в их интеграции, а напротив, а их предельно четком разграничении. Такое разграничение невозможно провести без комплексного межотраслевого анализа соответствующих правовых норм.

Глава 6 «Перспективы развития институтов российского уголовного права» определяет установленные исследованием ориентиры возможного развития уголовного права через призму его институционального строения и структуры.

В § 1 «**Основные направления совершенствования системы институтов Российского уголовного права**» излагается авторский взгляд на проблемы совершенствования системы уголовного права. Оно может осуществляться в двух направлениях: 1) совершенствование внутренней структуры и содержания отдельных уголовно-правовых институтов Общей и Особенной части; 2) оптимизация самой системы или номенклатуры институтов.

В рамках первого направления перспективы видятся соискателю в следующем:

1. Обеспечение отраслевой чистоты образующих уголовное право институтов. В связи с этим из УК РФ должны быть изъяты нормы: а) регламентирующие вопросы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены наказания более мягким видом, освобождения от наказания в связи с болезнью, как имеющие отношение к регулированию уголовно-исполнительных отношений; б) определяющие правовые последствия совершения общественно опасного деяния в состоянии невменяемости; в) посвященные амнистии и помилованию, как имеющие отношение к регулированию конституционных (государственно-правовых) отношений; г) устанавливающие порядок уголовного преследования за совершение преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях как носящие уголовно-процессуальный характер.

2. Консолидация в институтах уголовного права предписаний, регламентирующих уголовно-правовые отношения и расположенных в настоящее

время в нормативных актах иной отраслевой принадлежности. В связи с чем в УК РФ должны быть помещены нормы: а) регламентирующие вопросы экстрадиции и назначения наказания подсудимому в случае согласия его с предъявленным обвинением, расположенные в УПК РФ; б) допускающие вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий во исполнение служебного задания, размещенные в Законе РФ «Об оперативно-розыскной деятельности».

3. Последовательное «разделение труда» между институтами Общей и Особенной части уголовного права, сохранение и укрепление их функционального предназначения. В связи с этим необходимо: а) сосредоточение в Общей части определений всех ключевых понятий и терминов, которые используются в Особенной части при описании признаков составов преступлений; б) перемещение в Особенную часть из Общей тех специальных предписаний, которые имеют отношение лишь к некоторым составам преступлений (например, правил об особенностях освобождения от наказания лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних).

4. Надлежащее и истинное определение объекта каждого криминализованного деяния и изменение местоположения отдельных предписаний Особенной части в системе ее институтов.

5. Оптимизация внутренней структуры институтов Особенной части уголовного права за счет одновременного обобщения и детализации образующих их предписаний. Она должна достигаться посредством: увеличения числа дефинитивных и общезакрепительных предписаний; последовательного развития института квалифицирующих признаков, в том числе за счет их консолидации для определенных групп преступлений; развития и конкретизации предписаний Особенной части в уголовно-правовых источниках более низкого, нежели уголовный закон, уровня.

Далее в работе исследуются проблемы совершенствования номенклатуры институтов уголовного права. Актуальными направлениями развития системы институтов Общей части уголовного права автор признает:

1. Формирование правил об ответственности корпораций по уголовному закону (это мнение подтверждено 73% специалистов). Условия уголовной ответственности юридических лиц должны составлять самостоятельный уголовно-правовой институт, с которым должна корреспондироваться особая группа нормативных предписаний, определяющая содержание и порядок применения к корпорациям мер уголовно-правового характера.

2. Закрепление в уголовном законе института потерпевшего от преступления (идея поддерживается 56% специалистов). Его целесообразно разместить после института соучастия в преступлении. Институционализация компенсационных мер будет зависеть от того, признавать ли их частью уголовной ответственности, или же позиционировать в качестве меры ответственности государства перед потерпевшим. В первом случае институту, определяющему понятие и права потерпевшего, будет корреспондировать самостоятельный институт компенсации в группе предписаний о мерах уголовной ответственности. Во втором случае (он предпочтительней) будет целесообразным разрешить вопрос о компенсационных мерах в рамках института понятия потерпевшего.

3. Закрепление института толкования используемых в УК РФ терминов (за это предложение высказалось 82% опрошенных). Фиксация в нем терминов, употребляемых в Общей и в Особенной частях закона, должна определять его местоположение в системе закона после декларации принципов, но перед описанием пределов действия уголовного кодекса.

4. Включение в систему уголовного права института правил квалификации преступлений (этот тезис нашел поддержку у 89% респондентов). Располагаться в структуре уголовного закона он должен после института потерпевшего от преступления и перед институтом понятия и целей уголовной ответственности.

Перспективными направлениями развития системы институтов Особенной части уголовного права автор признает создание принципиально новых институтов об ответственности за деяния, которые еще не криминализованы. Основываясь на результатах криминологических и социально-политических прогнозов, принимая во внимание опыт зарубежных стран (Швейцарии, США, Китая, Эстонии, Франции, Грузии, Испании, Нидерландов), диссертант вносит предложения о дополнении УК РФ нормами об ответственности за преступления против безопасности иностранных государств (поддержано 52% опрошенных); об ответственности за преступления против исторического наследия и исторической памяти (78% респондентов); об ответственности за преступления против прав интеллектуальной собственности (80% опрошенных); об ответственности за преступления против генетического кода человека (76% специалистов); о расширении спектра оснований ответственности за нарушение различных технологических правил и правил обращения с опасными предметами (80% опрошенных). Законодателю следует обратить внимание на отмеченные объекты и реальные угрозы их безопасности, начать работу по формированию соответствующих правоохранительных институтов.

В § 2 «Институциональные предпосылки формирования подотраслей российского уголовного права» автор обращается к исследованию проблем подотраслевого строения уголовного права. В работе критически оценивается научная позиция, не допускающая наличия подотраслей в уголовном праве. При всей своей специфике предмет и метод уголовно-правового регулирования не содержат в себе инструментов, запрещающих формирование подотраслей (56% из числа опрошенных специалистов также считают возможным обособление подотраслей в системе уголовного права; вместе с тем 87% не смогли назвать какой-либо уголовно-правовой подотрасли; оставшиеся 13% назвали лишь военно-уголовное право).

Теоретический анализ позволил сформулировать признаки, характеризующие подотрасли в уголовном праве, и с этих позиций оценить имеющиеся в науке предложения о выделении в уголовном праве подотраслей:

1) подотрасли – явление объективное. Их выделение не зависит от намерений исследователей и их желания возвести в этот ранг некоторую группу правовых норм. В тех случаях, когда такое все же происходит без учета реальных признаков подотрасли, мы имеем дело не с анализом структуры отрасли права, а со структурированием научного знания, выделением неких частных уголовно-правовых теорий.

2) подотрасль имеет подотраслевой предмет, т. е. обособленную группу общественных отношений, характеризующихся специфическими особенностями, которые оказывают наиболее заметное влияние на характер правового регулирования и его метод.

3) подотрасли в уголовном праве должны объединять собой институты, которые в традиционном понимании относятся к институтам предписаний Общей и Особенной частей уголовного права.

4) поскольку подотрасли не способны к самостоятельному, вне рамок отрасли, существованию, на их роль не могут претендовать правовые образования, хотя и выделившиеся из уголовного права, но доказавшие свою регулятивную автономность и получившие «надлежащее», на уровне кодекса, техническое закрепление (например, уголовно-исполнительное право).

5) научная разработка проблем подотраслей уголовного права не должна блокироваться утвердившимся в науке мнением о признании УК РФ единственным источником отрасли уголовного права, в связи с чем «поиск» подотраслей не может ограничиваться выделением и компоновкой тех или иных структурных единиц кодекса.

С этих позиций диссертант дает критическую оценку попыткам обосновать наличие подотраслей в уголовном праве исходя из таких критериев, как федеральный или региональный уровень правотворчества (П. Н. Панченко); постоянный или временный (на период военного положения) характер

уголовно-правовых предписаний (В. И. Боев); особенности уголовной ответственности отдельных категорий лиц – военнослужащих, несовершеннолетних (В. М. Чхиквадзе, Э. Б. Мельникова). Такие попытки представляют собой искусственное конструирование структуры отрасли, не имеющее отношения к действительности и могут составлять лишь направления научных исследований, частные уголовно-правовые теории.

Единственно возможным критерием, определяющим специфику предмета уголовно-правового регулирования, исходя из которого с соблюдением общетеоретических и конституционно-правовых требований можно вести речь о формировании подотрасли в уголовном праве, выступают особенности преступления как юридического факта, порождающего эти уголовно-правовые отношения. Наиболее значимые особенности автор усматривает в такой разновидности преступлений, как уголовный проступок. Именно право уголовных проступков обладает всеми необходимыми признаками подотрасли уголовного права. В частности:

– уголовный проступок порождает правовые отношения, с одной стороны, единые по своей природе с уголовно-правовыми отношениями, а с другой – представляющие их особую модификацию;

– специфика порождаемых проступком уголовно-правовых отношений заключается прежде всего в характеристике субъекта, противостоящего лицу, совершившему правонарушение; в качестве такового может выступать не только государство (как традиционный субъект уголовных правоотношений), но и потерпевший от проступка, а также общественные институты (например, в ситуации потенциально возможной замены уголовной ответственности ответственностью общественной);

– порождаемые проступком отношения требуют особой конфигурации методов уголовно-правового регулирования, выдвижения на первый план идеи диспозитивности, примирения, освобождения от уголовной ответственности, компенсации причиненного вреда, и ограничения в применении традиционных уголовных наказаний, и прежде всего лишения свободы;

– как юридический факт, уголовный проступок существенным образом может изменить содержание или даже заблокировать возможность применения традиционных уголовно-правовых институтов, в частности: неоконченного преступления, видов наказания, назначения наказания, судимости и некоторых других;

– специфика правовой регламентации отношений, возникающих в связи с совершением уголовного проступка, будет требовать ее технического оформления на уровне отдельного нормативного акта (Кодекса уголовных проступков);

– нормативный материал, призванный урегулировать отношения, возникающие в связи с совершением уголовного проступка, ввиду своего значительного объема и многоаспектного содержания, с неизбежностью будет структурирован в нескольких правовых институтах.

Однако о формировании подотрасли уголовных проступков автор рассуждает не как о тенденции, а лишь как о возможной перспективе внутреннего развития уголовного права, которая в полной мере отвечает уже сейчас назревшей потребности в углублении и качественном обновлении процессов дифференциации уголовной ответственности в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенных деяний.

В **заключении** представлены основные выводы и предложения, сформулированные в процессе исследования.

В **приложении** приведен образец анкеты, использованной в процессе подготовки диссертации, и результаты анкетирования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

I. Монографии:

1. Жук М.С. Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание: монография / М.С. Жук. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2010. – 166 с. (10,5 п. л.).

2. Жук М.С. Теоретические основы построения системы институтов российского уголовного права: монография / М.С. Жук. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2011. – 127 с. (8,9 п. л.).

**II. Публикации в ведущих рецензируемых научных
журналах и изданиях, рекомендованных ВАК
Министерства образования и науки РФ
основных положений докторской диссертации:**

3. Жук М.С. Классификация уголовно-правовых институтов / М.С. Жук // Общество и право. – Краснодар. – 2009. – № 5(27). (1 п. л.).
4. Жук М.С. Обеспечение системности – главное направление развития отрасли права / М.С. Жук // Юрист-правовед. – Ростов-н/Д. – 2010. – № 3. (0,3 п. л.).
5. Жук М.С. Развитие институтов отечественного уголовного права в законодательстве России середины XVII – первой трети XIX в. / М.С. Жук // Философия права. – Ростов-н/Д. – 2010. – № 1. (0,3 п. л.).
6. Жук М.С. Основные этапы формирования доктринальных представлений об институтах российского уголовного права (XV – начало XXI вв.) / М.С. Жук // Lex rusica. – М. – 2010. – № 6. (1,4 п. л.).
7. Жук М.С. Понятие и признаки института уголовного права / М.С. Жук // Российский ежегодник уголовного права. – С-Пб. – 2011. – № 3-5. (1,9 п. л.).
8. Жук М.С. Форма выражения института уголовного права / М.С. Жук // Общество и право. – Краснодар. – 2010. – № 1(28). (0,6 п. л.).
9. Жук М.С. Теоретические и прикладные проблемы взаимосвязи Общей и Особенной частей уголовного права / М.С. Жук // Российское правосудие. – М. – 2010. – № 12(56). (1 п. л.).
10. Жук М.С. Институты Общей и Особенной частей уголовного права: внутриотраслевые связи и соотношение / М.С. Жук // Общество и право. – Краснодар. – № 2010. – № 3(30). (0,5 п. л.).

11. Жук М.С. Бланкетность как форма отражения межотраслевых связей уголовного права / М.С. Жук // Общество и право. – Краснодар. – 2010. – № 4(31). (0,5 п. л.).
12. Жук М.С. Ответственность иностранных должностных лиц и системное единство институтов уголовного права / М.С. Жук // Законность. – М. – 2011. – № 1. (0,2 п. л.).
13. Жук М.С. Объект преступления как критерий построения системы институтов Особенной части уголовного права / М.С. Жук // Общество и право. – Краснодар. – 2010. – № 5(32). (0,3 п. л.).
14. Жук М.С. Система институтов Общей части уголовного права, раскрывающих категории преступления и уголовной ответственности / М.С. Жук // Российский криминологический взгляд. – М. – 2011. – № 1. (0,8 п. л.).
15. Жук М.С. Система институтов Особенной части Российского уголовного права и перспективы ее оптимизации / М.С. Жук, В.П. Коняхин // Уголовное право. – М. – 2012. – № 1. (0,7 п. л.; 0,4 авт. п. л.).
16. Жук М.С. Методология системного анализа институтов российского уголовного права / М.С. Жук // Общество и право. – Краснодар. – 2012. – № 1(38). (0,9 п. л.).
17. Жук М.С. Система институтов Особенной части российского уголовного права: современное состояние и основные направления совершенствования в будущем / М.С. Жук // Российский ежегодник уголовного права. – С-Пб. – 2012. – № . (1,4 п. л.).
18. Жук М.С. Право уголовных проступков как подотрасль уголовного права: прогностический анализ / М.С. Жук, В.П. Коняхин // Российский следователь. – М. – 2012. – № 23. (0,4 п. л.; 0,2 авт. п. л.).
19. Жук М.С. Теоретические проблемы формирования подотраслей уголовного права / М.С. Жук // Право и государство: теория и практика. – М. – 2012. – № 12(96). (1 п. л.).
20. Жук М.С. Институты уголовного права: внутреннее строение и элементный состав / М.С. Жук // Современное право. – М. – 2013. – № 3. (1,2 п. л.).

21. Жук М.С. К вопросу о понятии подотрасли уголовного права: доктринальные подходы / М.С. Жук // Вестник Воронежского института МВД России. – Воронеж. – 2013. – № 2. (0,4 п. л.).
22. Жук М.С. Коллизии норм Общей и Особенной частей уголовного закона / М.С. Жук // Российский судья. – М. – 2013. – № 6. (0,3 п. л.).
23. Жук М.С. Анализ внутренних связей между уголовно-правовыми институтами / М.С. Жук // Российский следователь. – М. – 2013. – № 9. (0,3 п. л.).
24. Жук М.С. Становление и развитие институтов российского уголовного права: ретроспективный анализ / М.С. Жук // Lex Rusica. – М. – 2013. – № 7. (1 п. л.).
25. Жук М.С. Теоретические проблемы разграничения институтов уголовного права по видам / М.С. Жук // Юристъ-правоведь. – Ростов-н/Д. – 2013. – № 2. (0,4 п. л.).
26. Жук М.С. Отдельные вопросы классификации институтов уголовного права / М.С. Жук // Юристъ-правоведь. – Ростов-н/Д. – 2013. – № 3. (0,3 п. л.).

III. Публикации в иных научных журналах и изданиях:

27. Жук М.С. К вопросу о дефиниции института уголовного права / М.С. Жук // Вестник Краснодарского университета МВД России. – Краснодар. – 2009. – № 4. (0,4 п. л.).
28. Жук М.С. Регламентация институтов уголовного права в дореволюционном законодательстве России середины XIX – начала XX вв. / М.С. Жук // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – Краснодар. – 2010. – № 1(2). (0,2 п. л.).
29. Жук М.С. Институты уголовного права в истории российского законодательства советского периода / М.С. Жук // Очерки новейшей камералистики. – Краснодар. – 2009. – № 3-4. (0,4 п. л.).

30. Жук М.С. Содержание уголовно-правового института: норма права или правовое предписание? / М.С. Жук // Научные труды ученых-юристов Северо-Кавказского региона. – Краснодар. – 2009. – Вып. 18, ч. 2. (0,2 п. л.).
31. Жук М.С. Нормативность, множественность и отраслевая чистота норм как определяющие признаки института уголовного права / М.С. Жук // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – Краснодар. – 2011. – № 4(9). (0,7 п. л.).
32. Жук М.С. Алгоритм системного анализа институтов российского уголовного права / М.С. Жук // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – Краснодар. – 2012. – № 1(10). (0,3 п. л.).
33. Жук М.С. Структура системы институтов российского уголовного права / М.С. Жук // Очерки новейшей камералистики. – Краснодар. – 2012. – № 1. (0,5 п. л.).
34. Жук М.С. Доктринальные подходы к определению системы институтов Общей части российского уголовного права / М.С. Жук // Вестник Краснодарского университета МВД России. – Краснодар. – 2012. – № 1(15). (0,3 п. л.).
35. Жук М.С. Формирование представлений об институтах уголовного права в истории отечественной науки / М.С. Жук // Вестник Краснодарского университета МВД России. – Краснодар. – 2013. – № 2. (0,9 п. л.).
36. Жук М.С. Возникновение и формирование институтов уголовного права в древнерусском законодательстве X–XI вв. / М.С. Жук, В.П. Коняхин // Право и правосудие: теория, история, практика: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2009. – Т. 2. (0,3 п. л., 0,2 авт. п. л.).
37. Жук М.С. Предмет регулирования уголовно-правового института / М.С. Жук // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права. – М.: МГУ, 2011. (0,1 п. л.).

38. Жук М.С. Экологические преступления как институт уголовного права / М.С. Жук // Экология и уголовное право: поиск гармонии: материалы Международ. науч.-практ. конф. – Геленджик, 2011. (0,3 п. л.).
39. Жук М.С. Структура уголовно-правового института / М.С. Жук // Современные проблемы уголовной политики: материалы II Международ. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2011. – Т. 1. (0,5 п. л.).
40. Жук М.С. Предметные и функциональные институты уголовного права / М.С. Жук // Развитие национального законодательства в условиях глобализации: опыт России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы Международ. науч.-практ. конф. – Владивосток, 2011. (0,2 п. л.).
41. Жук М.С. Институты Общей части уголовного права: перспективы развития / М.С. Жук, В.П. Коняхин // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы IX Международ. науч.-практ. конф. – Тольятти, 2012. – Ч. 2. (0,3 п. л.; 0,2 авт. п. л.).
42. Жук М.С. Оптимизация институционального построения УК РФ как форма реализации современной уголовной политики / М.С. Жук, В.П. Коняхин // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права. – М., 2012. (0,3 п. л.; 0,1 авт. п. л.).
43. Жук М.С. Институты уголовного права и иных отраслей права: уровни и механизм взаимодействия / М.С. Жук // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы X Международ. науч.-практ. конф. – М., 2013. (0,2 п. л.).
44. Жук М.С. Механизм межотраслевых связей институтов уголовного права / М.С. Жук // Современные проблемы уголовной политики: материалы III Международ. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2012. – Т.1. (0,5 п. л.).
45. Жук М.С. Опыт систематизации и кодификации российского уголовного права в XVIII – начале XIX в. / М.С. Жук // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее: материалы VIII Российского конгресса уголовного права. – М.: МГУ, 2013. (0,3 п. л.).

46. Жук М.С. Отраслевая чистота и функциональное назначение как основания для дифференцирования институтов уголовного права / М.С. Жук // Современные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: КубГАУ, 2013. (0,2 п. л.).

47. Жук М.С. Основные тенденции развития институтов уголовного права в XX в. / М.С. Жук // Правовая система России: традиции и модернизация: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию юридического факультета Кубанского государственного университета. – Краснодар: КубГУ, 2013. (0,3 п. л.).